

Василева Светлана

Клуша

12+

Светлана Сергеевна Васильева

Клуша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47185720

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-08729-3

Аннотация

С детства Клаву дразнили Клушей, такой она и выросла. Ей всего двадцать с лишним, а она уже разочаровалась в жизни. Работы нет, парня нет, зато есть ребенок и склочная мама. То ли махнуть на себя рукой и плыть по течению, то ли бултыхаться и выбраться из болота – Клава и сама не знает.

Светлана Васильева

Клуша

Глава 1

Сколько бы ни прошло лет, сколько бы времени ни утекло со школьной поры, но Клава не могла простить дур-одноклассниц, прилепивших ей позорное прозвище “Клуша”. Прозвище Клава ненавидела даже больше собственного имени. Что за имя “Клава”? Как у вороны из мультика. С таким именем становятся вахтершами или зав складами, толстыми злобными бабами, Которые отлично понимают – ничего им в жизни не светит.

Внешность Клавы под стать имени. Пухлое лицо, волосы тонкие и кудрявые, ничем не выпрямишь, плечи широкие, как у пловчихи, склонность к полноте и румянец во всю щеку, как у деревенской простушки.

Клава не любила ни себя, ни имя свое, ни свою жизнь.

После школы поступила в институт в святой уверенности, что уж тут-то все изменится. От сессии до сессии и все такое прочее. На втором курсе забеременела от однокурсника и стало совсем не до учебы.

Так, едва начавшись, ее жизнь закончилась.

Впереди ждали лишь растущий живот, пеленки, нескончаемый плач, осуждение родственников и какая-нибудь ра-

бота за кусок хлеба.

Мальчика назвали Олег. Когда ему исполнилось три года, осатаневшая от прозябания дома и вечного безденежья Клава решила искать ту самую тяжелую работу за кусок хлеба. Без образования, опыта и с маленьким ребенком на руках, другой все равно не найти, считала она и принялась посматривать объявления. Еще одной насущной проблемой стало пристроить Олежку в детский сад. Пусть какой-нибудь, даже на другом конце города, но, чтобы был сыт и под присмотром.

Лицом Олежка пошел в папу. Клаву одновременно и восхищали, и огорчали его зеленые глазки и длинные-предлинные реснички, навевающие воспоминания. Прямые волосики смешно торчали во все стороны, темные, прямо как у того парня. Клаве то и дело тянулась ласково их погладить. Но стоило Олежке закапризничать, и Клаве хотелось малыша за волосики как следует дернуть. Корила себя, но ничего поделать не могла.

Очередь в садики на городском сайте значилась огромная. Клава родила ребенка как раз в разгар демографического взрыва, и теперь у ее дитя стало больше перспектив пойти сразу в школу, а то и в армию, прежде чем подойдет его очередь в садик. Клава не жаловалась по этому поводу, она же

сама решила родить ребенка несмотря ни на что, и не ждала ничьей помощи. По крайней мере, именно так она заявила три года назад матери, на чью шею уселась вместе с внуком.

По телевизору показывали очередное шоу про красивых и успешных. Клава задремала на диване, пока Олежка играл крышками от кастрюль. Вот купишь ему на последние, выклянченные у бабушки, какой-нибудь пищащий и мигающий огоньками танк, думала Клава, а он таскает крышки от кастрюль, пока чудо-игрушка пылится в коробке для таких же заброшенных собратьев.

“224-673” мелькнуло в бегущей строке на экране телевизора, и Клава встрепенулась. Набирали персонал в продуктовый супермаркет. С ее комплекцией и внешним видом то что надо. Она уже пробовала устроиться продавщицей, но хозяйка магазина отвергла ее кандидатуру сразу же.

– Нам нужны миловидные девушки, – сказала она несколько не смущаясь.

– Мымра, – буркнула Клава.

– Что, простите? – хозяйка и сама не отличалась красотой. Худая как жердь, в широком цветастом балахоне и желтоватым цветом лица. Что же, с нее привлекательной внешности никто и не спрашивал.

– До свидания, доброго дня, говорю, – сказала Клава.

– И вам, – фыркнула хозяйка. – Позовите следующую.
“Следующую кого?”

Больше Клава устраиваться в бутики не пыталась. Не подходила она под образ накрашенной и благоухающей девушки с улыбкой на лице и блеском в глазах. Откуда ему там взяться, блеску, разве что голодному.

Но в этот раз точно повезет. Сидеть на кассе или расставлять коробки по полкам – много красоты и приветливости не надо. Форму выдадут, тратиться на рабочую одежду не придется. Опять же, еду кой-какую списанную можно будет домой приносить. Клава почти уснула, предаваясь мечтам о замечательной работе в супермаркете, среди всякой всячины и с дружным коллективом.

В институте Клава так и не успела обзавестись друзьями. В школе ее дразнили, и дружить с ней для одноклассников было как-то... не вариант. Да она и не рвалась водить дружбу с “этими придурками”. Даже спустя годы после выпуска мнение ее не изменилось.

Ребенок звонко гроыхнул крышкой, выдернув Клаву из полузабытья. С кряхтением она поднялась с дивана и отправилась на кухню, заварить лапши или сделать бутерброд с картонной колбасой и кетчупом сверху. Хлопнула дверца холодильника.

– Олечка, хочешь кушать? – крикнула Клава из кухни. Олечка в гостиной на журнальном столике молча крутанул крышку. Он все еще не говорил, да и вел себя как годовая-

лый ребенок, даже ходил в подгузниках. Кушал с ложечки и только растворимую кашку, какие использовали для начала прикорма. Клава купила сыночку аж два горшка, Олежка к обоим оставался равнодушным.

– Ну, нет так нет, – сказала Клава и налила себе чай с тремя ложками сахара. Покушать она любила. Пусть готовить только для себя лень, но простая и вкусная пища все же ей доступна. В плохие дни – сублимированная лапша, в хорошие – пельмени. Иногда салаты из супермаркета, иногда – рыбные консервы и тушенка. Время от времени Клава подумывала о том, чтобы сесть на диету, но все они казались такими невыполнимыми, а диетические продукты неоправданно дорогими.

– Истязать себя – не наш путь, – говорила Клава отражению. – Да и перед кем прихорашиваться?

Пусть всякие красотки сидят на диетах, покупают дорогую косметику и брендовые вещи. Природную красоту никакая косметика не скроет. Ни косметика, ни жир на боках, ни прыщи по всей роже. Зато внутренний мир богатый.

По телефону сообщили, что собеседование состоится в понедельник, в девять утра и просили не опаздывать. Клава торопливо записала на бумажке, что, куда и когда. Приличной одежды со студенческих времен осталось не так много,

так что не пришлось мучиться выбором “что надеть”. Джинсы, широкая рубашка, чтобы скрыть дряблый живот, вот образ и готов. Мазнула по лицу пудрой, послонявила тушь. Ребенка оставила маме. Пусть хоть раз в жизни присмотрит, решила про себя Клава, хотя “раз в жизни” случился вовсе не впервые. И отправилась.

Клава в последние три года редко уходила от дома дальше пары остановок. В основном, только с Олежкой на прогулках. Ей нравилось гулять с ребенком на свежем воздухе, отдыхать от опостылевших стен. Олег оказался достаточно спокойным, чтобы часами качаться на качелях или просто сидеть на лавочке рядом с мамой. Только иногда просился на ручки, и Клава, не в силах отказать, тащила уже заметно потяжелевшее дитя метров десять или пятнадцать.

Город, в котором жила Клава, нельзя назвать мегаполисом, но, как справедливо считала Клава, какая разница, большой город или не очень, когда не каждый день покидаешь пределы своего двора. Рядом с домом располагался парк, неухоженный, с мусором под деревьями и разбитыми асфальтовыми дорожками. Он начал меняться к лучшему только в последний год. Недалеко расположенная церковь выклянчила участок у городской администрации, и прихожане разбили симпатичную клумбу вдоль заборчика. Обещали и асфальт починить. Хоть что-то.

Добраться на собеседование можно было либо на автобусе, либо пешком. Пешком долго, но прогуляться летним

утром, раз уж удалось вовремя проснуться, святое дело. Клава шла мимо ряда мелких магазинчиков с названиями типа "Одежда у Наташи" или "Ольга", ну или "Российская обувь". Новый супермаркет открывали на бывшем пустыре. Теперь там высилось и во все стены сияло стеклами обширное здание в два этажа.

Вход для работников находился сзади, там, где принимали товар. Клава глубоко вздохнула и, подавив желание перекреститься, толкнула новенькие, еще пахнущие краской двери.

– Здравсьте! – сказала она пожилому охраннику под два метра ростом. Лицо мужчины украшали казачьи пышные седые усы. Он глянул на нее свысока, скосив выцветший голубой глаз.

– Ну? – спросил он.

– Я вот на работу, – сказала Клава, невольно робея.

– Так это, в отдел кадров, – сказал охранник и махнул рукой куда-то в сторону. – Бумажку там заполнишь и иди.

"Мишин Виталий Кириллович" прочитала Клава на бейджике охранника.

– Виталий Кириллович, – сказала она, брови охранника взметнулись вверх, – а много людей хотят нанять? С кем лучше поговорить, чтобы взяли?

– Да много, много берут, только мало кто держится, – сказал Виталий Кириллович. – Поколение сейчас такое, не хотят работать.

Он вздохнул.

– Да иди, – он взял Клаву за плечо и развернул ее в направлении лестницы, – сейчас на второй этаж поднимешься, потом налево, там до упора, дверь светлым деревом оббита. Это отдел кадров. Спроси там Веру Ивановну, толстая такая женщина в очках. Она тебе и анкету даст и все расскажет. Опыт у тебя есть?

– Нет.

– Плохо. Да тебя тут всему научат.

– Спасибо, – пробормотала Клава и направилась к лестнице.

Клаве случалось бывать в зданиях, которые внешне напоминали заброшенные дома с призраками, а внутри оказывались наполненными мрамором, светом и удобными креслами дворцами. На этот раз оказалось наоборот. Новенькая оболочка таила в себе недоделанный потолок, звуки перфоратора и неуместный холод в разгаре июля. Едой в будущем супермаркете и не пахло.

Налево от лестницы, до упора. В конце коридора было темно, электричество не работало или лампочки не было, но Клава разглядела строгую дверь без таблички, оббитую светлым деревом, как и говорил охранник. Клава еще раз глубоко вздохнула и постучала. Не дожидаясь ответа, она с тихим

скрипом толкнула дверь и просунула голову.

– Здравсьте! – сказала она. – Можно?

На нее уставилась пожилая женщина. Очки в роговой оправе придавали ей сходство с учительницей. На голове у женщины красовалась старомодная химическая завивка, а полные телеса обтягивала светлая кофта. О достатке и старомодном шике говорили лишь крупные золотые серьги в ушах, да пальцы, унизанные золотыми перстнями.

– Проходите, – ровным голосом произнесла Вера Ивановна. – Работу ищите?

– Ага, – сказала Клава, протискиваясь в дверь.

– И кем работать хотите? – спросила женщина, вороша стопку бумаг на столе. Несмотря на то, что заехала Вера Ивановна в кабинет недавно, он уже приобрел вид затертого и заваленного пыльными папками помещения, как и выглядят все, какие ни есть, бухгалтерии. Перед дамой стоял ноутбук, на котором, как Клава подозревала, вместе с бухгалтерской программой, была открыта “косынка”.

“Хоть бы сесть предложила”

– Кладовщиком, – ответила Клава не задумываясь. Вера Ивановна смерила ее взглядом

– Программу 1С знаете? – спросила она.

“Чего?”

– Знаю, – сказала Клава.

– А корочка есть?

– Нет, так учила. Сама.

– Самоучка, значит.

– Угу.

– Ну, заполняй анкету, самоучка, – сказала женщина, подавая Клаве листочек А4 со стандартными вопросами об опыте работы и “кем вы видите себя через пять лет”.

– И вот еще, – женщина подала Клаве еще два листа распечатки. – Психологический тест.

Клава непонимающе уставилась в листы. “Соедините все линии не отрывая руку от бумаги” значилось там надо несколькими точками и другие задания в том же духе.

“Что это?”

Она подняла взгляд на женщину, но тут же отвела его. Вряд ли психологический тест – идея Веры Ивановны. Да и вряд ли сама Вера Ивановна проходила его при устройстве на работу. Да и не прошла бы, скорее всего.

– Здесь заполнять? – спросила Клава. Вера Ивановна кивнула и показала глазами на стул, низкий и неудобный, специально для посетителей. Через полчаса Клава протянула заполненные мелким аккуратным почерком листы и тяжело вздохнула.

– Что вздыхаете? Тяжело опросник заполнять?

– Нет. Просто странно. Тест этот... Интересно, прошла ли.

– Где учились? Ах, вижу, вижу. Неоконченное высшее. Еще и дети есть.

– Один. Один ребенок.

– Замужем? Нет? Хм, понятно.

Клава неуютно поерзала на стуле. Она ожидала другого, готовилась отвечать на вопросы, доказать, что она замечательный работник. Но Вера Ивановна ее ни о чем толком не спрашивала, а если спрашивала, то ответов не слушала.

– Мы вам позвоним, – наконец сообщила Вера Ивановна. – Телефон свой оставили?

– Конечно. А когда примерно позвоните?

– Откуда же я знаю, девушка? Как анкету посмотрим, так и позвоним.

Вышла Клава, выжатая как лимон. Виталий Кириллович сочувственно покачал головой.

Клава не спеша обогнула здание. Ее не покидало чувство опустошенности. Вроде бы все прошло хорошо, наверняка ей позвонят, но никакой радости Клава не испытывала. Теперь надо срочно решать вопрос с садиком, ведь свободного времени станет меньше. Перспективы трудоустройства больше не выглядели радужными. Коллектив наверняка окажется полным смазливых дур и тупых парней, а начальница заключает и повесит недостачу. А самое плохое, что даже с такой работой, где не нужен ни опыт, ни образование, она может не справиться.

Что же, надо как-то поднять себе настроение в честь будущих невзгод, решила Клава. Она подошла к киоску “Мороженое” у остановки, его покрывал тонкий слой серой копоти от проезжающих мимо машин. На половине выцветших кар-

тинок с ассортиментом значились таблички “нет в продаже”.

Клава купила рожок с шоколадной крошкой, села на скамейку и принялась медленно есть, глядя на проносящиеся мимо автомобили.

Спешить некуда.

Солнце припекало, Клаву потянуло в сон. Мимо пронеслись двое подростков с цветными сумками, на которых красовались мультяшные персонажи. Клава в подростковом возрасте уже стеснялась с такими ходить. После недавнего дождя везде остались лужи, машины проносились по ним, поднимая россыпи брызг. Мысли Клавы лениво таяли на солнце. Да и шут с ними, с трудностями, зато будет зарплата. Столько всего можно будет купить! Новые джинсы и футболки, и ботиночки Олежке, и конструктор, неплохо было бы обновить банки для круп, а то мама пользуется до сих пор советскими, не винтаж, а старье. Столько всего надо, а еще больше хочется.

– Клава! – мужской голос, окликнувший ее, показался незнакомым, но...

– Клава Перова!

Но обладатель голоса ее знал. Клава ненавидела такие встречи, когда ее называют по имени, а то и по фамилии, и спрашивают про семью, о которой знают все подноготную, а ей остается только мучительно вспоминать, кто же этот совершенно незнакомый человек, которого она совершенно точно видит в первый раз.

На этот раз Клава не стала проявлять вежливость. Весь дневной запас любезности ушел на собеседование.

– А вы кто? – спросила она хмуро. Молодой мужчина не обратил на вопрос ни малейшего внимания.

– Ох, ну и вид у тебя. В аварию попала? – спросил он и рассмехался собственной шутке. Невысокий, в полотняных шортах и гавайке, темные очки сдвинуты на лоб – ну вылитый турист. Ни светлые волосы, ни голубые с прищурью глаза, ни пухлые щечки совершенно ни о чем Клаве не говорили. Еще и чувство юмора своеобразное. Он мог бы выглядеть симпатичным, если б больше уделял внимания фигуре и одежде, и не выливал на себя полфлакона парфюма за раз. Хотя парфюм как раз чувствовался хорошим и дорогим, только много.

– У тебя мороженое капает, – сказал мужчина доверительно. Клава посмотрела на руку. Мороженое уже не просто капало, оно стекало на руку тонкой струйкой и лилась за манжету рубашки.

– Спасибо, – буркнула Клава и принялась откусывать мороженое огромными кусками, морщась от резкого холода во рту. Мужчина смотрел на нее приоткрыв рот.

– Если не нравится – выкини, – сказал он. – Не насилуй себя.

– Я же его купила, – возмутилась Клава.

– Ну, тогда давай я тебе потом другое куплю, – сказал незнакомец. Клаве показалось, что она почти узнала фами-

льярничаящего типа, что вот-вот и она вспомнит, как его зовут.

– Нет, спасибо. Я сама могу.

– Ты правда меня не узнала, да? – он надвинул очки на нос, почесал затылок, взлохматил и без того лохматые волосы.

Клава увидела собственное отражение в его очках. Щеки измазаны мороженым, руки липкие, рукава грязные и лицо недовольное.

– А ты вот совсем не изменилась. Я Борька Вологдуев.

– А, Оболдуев, – засмеялась Клава. Прозрение наступило сразу же. Борька, тот самый одноклассник, который жизни ей не давал, но к старшим классам поумнел и перестал замечать. А на выпускном они немного танцевали. Удивительно, если бы она узнала его. А его фамильярность и вовсе необъяснима. Оболдуев, только так Клава его и запомнила.

– Кто бы говорил, Клуша. Как жизнь молодая? Замуж вышла?

– В разводе, – соврала Клава. Она считала, и не без основания, что то, что она якобы была замужем, придавало ей вес.

– Ничего себе, – сказал Борька.

– А ты? – спросила Клава не потому, что ей и в самом деле было интересно. Надо же как-то поддержать разговор. Оболдуев наверняка...

– Женат, – Борька показал массивное золотое кольцо на

пальце.

– Щеки-то наел, жена раскормила?

– Угу.

– Чем занимаешься?

– Извозом.

– Таксист, что ли? – усмехнулась Клава.

– Частная компания по перевозке грузов.

– Ого, – Клава посмотрела на него теперь с уважением.

Она и представления не имела что это за бизнес, но звучало внушительно. Борис теперь тоже показался ей значительней.

– Ну а ты? – Борис смотрел в ее лицо с улыбкой, которую она ни разу не видела за школьные годы. Он все-таки мог выглядеть симпатично даже с щечками и взъерошенными волосами, и в дурацкой гавайке.

– То там, то сям, – сказала Клава, невольно кокетничая.

Борис бросил быстрый взгляд на часы.

– Понятно. Ну, пока. Рад был повидаться.

– Пока! – Клава улыбнулась наконец искренне.

Борька ушел, засунув руки в карманы шорт, отчего они смешно топорщились. В школе был весельчаком и заводилой, встречался с самой красивой девочкой в классе. Интересно, на той девочке он женат? Клава с грустью посмотрела на себя в лужу – неужели со школьных лет она нисколько не изменилась? Она вот никого из старых знакомых не узнает, а ее всякий.

Проезжающая мимо машина ворохом брызг обдала ее

туфли.

– Вот блин! – сказала Клава.

Маленький Олежка крутил на журнальном столике крышки от кастрюль. Он мог заниматься этим часами. Клава его не беспокоила, раз ему нравится, тем лучше, лишь бы не приставал. Кроме Олежки, дома никого не было. В гостиной бормотал телевизор, а чайник все еще был теплым, так что Клавина мама ушла совсем недавно. В холодильнике лежали оставленные ею пачка молока, батон и яблочко для Олежки. Яблочко Клава честно поделила на двоих и свою половину тут же съела.

Переодевшись в домашний растянутый халат, Клава умылась, стирая с лица остатки косметики и размазывая тушь под глазами. Одежду бросила на кресло, там уже скопилась небольшая горка из повседневных нарядов, часть которых неплохо было бы постирать, но все руки не доходили. Как не доходили они вытереть пыль, вымыть полы, и разгрести рухлядь в старом шкафу. Шкаф ей уступила мама по доброте душевной, а Клава немедленно забила его ненужной мелочевкой и старалась пореже открывать.

На столике, рядом с крышками, лежал старенький ноутбук. Едва раздевшись и сжевав яблоко, Клава плюхнулась на диван, положила под голову подушку, на живот – ноутбук и

углубилась в дебри социальных сетей.

Она подписалась на большинство одноклассников и одноклассников, которых смогла найти. Поздравляла с днями Рождения и прочими праздниками. Лайкала и репостила, в общем, изображала бурную активность. Но чужие посты неизменно портили ей настроение, хотя портить и так уже было нечего. Бывшая одноклассница Лидка уехала жить в США и выкладывала фоточки гламурной американской еды и ногтей, дизайн которых она меняла каждую неделю. Время от времени попадались страшные истории про страшную жизнь в России. Клава представила, как она могла бы зажить в США на пособие по безработице. Ей же много не надо. Представила, как она гуляет по ровным зеленым улочкам Америки и здороваается с милыми американскими старушками.

– Хеллоу, – произнесла Клава под впечатлением от грезы.

Ангелина, которую Клава от всей души ненавидела, та ей жизни не давала в школе, расписывала отдых за границей, на этот раз в Финляндии.

– Ну круто, чо, – бросила Клава недовольно.

Потом следовали полезные и нужные советы, как изменить жизнь, несколько цитат великих на ту же тему, вперемешку с рецептами блюд, от которых слюнки текли. Клава сохранила пару рецептов, клятвенно пообещав их приготовить когда-нибудь потом.

Она совсем расслабилась, приняла удобную позу и вклю-

чила очередную серию "Сверхъестественного", приготовившись переживать за приключения двух братьев больше, чем за собственное будущее. Слабый чай в любимой с детства кружке с отбитым краем, кусочек батона, что еще для счастья надо?

– Опять ерундой занимаешься?

Голос матери едва не заставил Клаву подавиться. Ее мать, женщина за пятьдесят, невысокая, с резким командным голосом, внушала трепет. Клава мало на нее похожа, разве что ростом также не вышла. А так, цвет глаз, волос – все разное. У Марии Васильевны Перовой волосы длинные, темные с проседью, глаза темные и надменные, а губы вечно поджатые, как у ребенка, не желающего пить горькое лекарство.

– Чего пугаешь-то? – слабо возмутилась Клава.

– Да ты сама кого хочешь испугаешь. Посмотри на себя, опять на диване расхлюзданная, на подбородке крошки. Сходила насчет работы?

– Угу.

– И что?

– Сказали, что перезвонят.

– Сама позвони.

– Да перезвонят, если возьмут.

– Так и сидишь, ждешь у моря погоды. Ребенок невымытый, ходит не пойми в чем, а ты расселась, даже посуду не помоешь, клуша клушей.

Клаву передернуло.

– Мою я посуду, – запротестовала она, – и убираю, и с Олежкой сижу, чего пристала?

– Сидит она, за ноутбуком только и сидишь. Быстро пошла с ребенком гулять! Возьми вот список и деньги. Зайдешь в магазин.

Детское желание надуться и никуда не идти едва не перебило голос разума, который советовал не ссориться с матерью и сделать, как она хочет. Мама только пришла с работы и устала.

“Она всегда срывается на мне, всегда, сколько себя помню”

– Сейчас, сейчас, – пробурчала Клава и вновь принялась натягивать джинсы.

– Платье надень!

– Не хочу.

– Надень платье, говорю. Так мужика и не найдешь себе, ходишь как неряшливый пацан.

Клава упрямо натянула джинсы. Серо-зеленую майку она носила уже года три. А может и четыре. Любимая майка, со странным аляповатым рисунком и надписью, значения которой Клава не знала. Для женственности – серьги в ушах и золотистые босоножки. То, что надо. Олечка уже стоял в шортиках и маячке, совсем новеньких, купленных комплектом. Одежду ребенку покупала Мария Васильевна, изо всех сил стараясь, чтобы внук ни в чем не нуждался.

– Мы ушли! – крикнула Клава по привычке.

– Я вижу, – проворчала Мария Васильевна и поспешила закрыть за ними дверь. Глубоко вздохнула, наконец-то дома одна. Если бы была возможность снимать дочери отдельную квартиру или комнату, Мария Васильевна этой возможностью бы воспользовалась. Но оставлять ребенка с этой безалаберной девицей выше ее сил. Вот как Клава собралась воспитывать Олежку, если сама еще дите? Пустая голова, и в кого она такая непутевая? Мария Васильевна опять вздохнула – в родителей, разумеется.

Клава почти не глядела по сторонам и тащила ребенка за руку. Олежка не сопротивлялся. Сосредоточенно смотрел вперед и быстро-быстро перебирал ножками. Когда ему надоело, он просто повис на маминой руке.

– Олежка, – сказала Клава строго, – пойдем, мы же гуляем.

Олежка молча уставился на нее исподлобья.

– Олежка, – Клава потянула мальчика за собой, – пойдем.

Олежка захныкал и потянул маму в другую сторону.

– Ну куда ты хочешь? – спросила Клава, теряя терпение, но все же пошла за сыном. Не все ли равно, куда идти гулять?

Олежка довел маму до края дома, остановился, посмотрел себе под ноги и пошел обратно.

– Нам надо в магазин, – сказала Клава. – Давай, все купим и пойдем домой, Олежка?

Олежка ожидаемо не ответил. Клава поволокла ребенка к магазину. Какого хрена, думала она, какого хрена мама сама не могла зайти в магазин после работы? Ей же по пути. Но нет, лучше запрячь дочь, чтобы та делала крюк и тащилась с ребенком в одной руке и покупками в другой. И всегда так было, даже сразу после родов, мама всегда настаивала, чтобы Клава сама тащила огромную тяжелую коляску с четвертого этажа, шла с Олежкой за продуктами в дальний супермаркет, а потом все сама затаскивала обратно на четвертый этаж. Доставку продуктов на дом Клавина мама в принципе не признавала, потому что “соседи будут говорить, будто к тебе мужики ходят”.

А потом приходилось выслушивать нотации, что Клава и ходила долго, и истории в духе “вот в мое время”. Истории не худшее. Прошло уже три года, но время от времени Мария Васильевна раздражалась лекциями и истериками по поводу Олежкиной безотцовщины и ласково называла ребенка сироткой. В такие моменты Клава ее терпеть не могла.

Мать жаловалась, что Клава никак не выйдет замуж, но и встречаться с мужчинами не позволяла. “Уже принесла одного в подоле” был ее весомый аргумент.

Если бы была возможность снимать комнату и переехать от матери, Клава этой возможностью бы воспользовалась. Но ни работы, ни денег на съем жилья не было, так что мечты оставались мечтами. К тому же, терпела же она мать на протяжении двадцати с лишним лет, можно и еще потерпеть,

думала Клава.

Чем ближе Клава с Олежкой подходили к магазину, тем больше мальчишка капризничал.

– Ну, Олежка, – уговаривала Клава. Олежке не нравился магазин, не нравилась толчея внутри и запахи. Особенно запахи. Стоило ступить за стеклянные двери, как он начинал орать и размазывать сопли по лицу. Клава упрямо тащила сынишку за собой, делая вид, что не происходит ничего особенного. Ей казалось, что даже охранники смотрят на нее с осуждением.

– Успокойте ребенка! – скомандовала сердитая старушка, пока Клава выбирала сетку с луком получше. Седые волосы старушки старательно уложены, надето на ней старомодное, но стильное платье, губы подведены неяркой помадой, и пахло от нее явно недешевыми духами. Впечатление портил лишь желчный цвет лица и та отрешенная сосредоточенность, с которой она выбирала морковь, чуть ли не надкусывая каждую.

– Выйдем, он сам успокоится, – ответила Клава так спокойно, как только могла, но получилось все равно будто огрызнулась.

– А вы можете вежливо разговаривать? Сама нервная и ребенок такой же. Нарожают, потом воспитывать не хотят, – сообщила старушка.

Клава не глядя бросила лук в корзинку и поспешила отойти, пока и в самом деле не разозлилась по-настоящему. Ей

казалось, что осуждающих взглядов стало больше. Олежка цеплялся за ее руку и хныкал, две девчонки возле отдела со сладким начали шептаться. Немолодая женщина поглядела на Клаву и зацокала языком.

Клава быстро расплатилась на кассе, сгребла ребенка в охапку и пулей выскочила из магазина. Очнулась она уже возле дома. Олежка проревел всю дорогу, едва успевая за матерью. Продукты из половины списка Клава не купила, а значит, ей придется выслушивать еще одну нотацию уже от собственной матери. Клаве захотелось разрыдаться от жалости к себе. В дополнение ко всему порвался ремешок на босоножке, и добираться до дома пришлось, приволакивая ногу.

– Сама за продуктами схожу, – сердито сказала Мария Васильевна, проверив содержимое пакета. – Бесплезная, несобранная ты клуша.

Дверь с треском захлопнулась.

Олежка потянул Клаву за руку и снова захныкал. Он уже устал, хотел есть, Клава все это понимала, но все равно звонко ударила сына по щеке.

– Да замолчи ты!

Олежка покраснел от натуги, сопли свисали уже чуть не до подбородка. И вместо того, чтобы успокоиться, выпустив пар, Клава ударила его еще раз.

– Хватит, хватит, хватит, хватит реветь. Из-за тебя все, – сказала она и тоже расплакалась.

Глава 2

Утром следующего дня Клаву разбудила мама. Клава еле разлепила глаза, мама нависла над ней уже в бежевом плаще, застегнутом на все пуговицы, ярко подведенные карандашом губы крепко сжаты.

– Ты встанешь или нет? Я пошла, – убедившись, что дочь проснулась, Мария Васильевна добавила. – Закрой дверь!

Как бы не хотелось урвать еще пару минут под теплым одеялом, пришлось вставать. Ее мама категорически не желала закрывать дверь на ключ, если дочь находилась дома и могла закрыться на защелку.

– Покорми ребенка, – проворчала Мария Васильевна. – Уберись хоть немного, погуляйте. Меня до вечера не будет, сегодня учительское собрание, будь оно неладно. Приготовь что-нибудь на ужин.

Клава кивала, засыпая на ходу. Мария Васильевна вновь поджала губы и закрыла за собой дверь не прощаясь.

Олежка сидел здесь же за столиком и терпеливо ждал, когда его покормят. Стоило взглянуть на сына, как вина слезным комком подступила к горлу. Клава поплелась в ванную, сполоснуть лицо холодной водой. Олежка захныкал. Шевельнулось раздражение, даже умыться не дает, но тут же вновь стало стыдно.

В детской, а по совместительству и Клавиной комнате,

разве что спала она на диване в гостиной, царил кавардак. Старый шкаф, отданный мамой, доверху забит не пойми чем, то есть очень нужными вещами, которые однажды пригодятся. На полу пыльный коврик. Поверхность стола едва видно под бесплатными газетами и рекламными буклетиками, все вперемешку с детскими игрушками. Ноутбук притаился сбоку, старенький, только в интернете позависать. На окне пара цветков в горшках раскидали жухлые листики по подоконнику. Синие занавески. Синие, потому что комната теперь мальчиковая. Детская кроватка, раскладывающееся кресло-кровать, которую лень разбирать. Клава настолько привыкла к этой комнате, в которой выросла, что не замечала уютная она или нет, просто жила в ней, как и ее сын теперь.

Олежке стукнуло три года, но Клава продолжала кормить его с ложечки. Нечего грязь разводить, думала она, засовывая ложку с кашей ему в рот как кочегар забрасывает уголь в топку.

Новый расчудесный день начался.

Подавая Олежке ложечку с кашей, Клава терзалась. Так легко обидела единственного близкого ей человечка. Ведь Олежка ближе ей даже чем мама. Клава потеряла переносицу, она и сама становилась как ее мать, взяла самое худшее.

Сейчас Мария Васильевна и не думала о том, чтобы стукнуть дочь. В конце концов, Клава выросла и могла дать сдачи, если что. А может, Мария Васильевна стала старше и за-

была про молодые срывы на дочери. Клава их не забыла, но и напоминать не хотелось.

– Накушался? – спросила она ласково. Олежка не ответил.

Клава со вздохом пошла на кухню – мыть детскую тарелочку. В раковине скопилась гора посуды, залитая уже плохо пахнущей водой. Клава брезгливо, стараясь ничего не задеть, прополоскала детскую тарелочку и отставила в сторону.

“Сорвалась. Бедный Олежка”

Клава закрыла опухшее со сна лицо руками. Сорвалась на ребенка.

– Я больше не могу так жить, – сказала Клава вслух. Ее мама уже ушла н работу, до вечера ее не будет, так что можно делать что угодно – говорить с собой вслух, орать на Олежку, смотреть телевизор целый день или зависать в социальных сетях, создавая видимость общения с давно посторонними людьми

Она совершенно точно собиралась сегодня что-то сделать, но что?

– Что я должна сделать? – сказала Клава вслух. Она физически ощущала комок проблем так, что болели плечи. Проблемы темной стеной волновались около нее, опутывали щупальцами. Не давали ни отдохнуть, ни отвлечься. Но, в то же время, Клава чувствовала себя без сил, чтобы решить хотя бы одну из них. Просыпалась уже усталой.

Так вот она какая – депрессия, подумалось ей.

Гонимая острой виной, Клава старалась развлечь Олежку как могла. Включила мультики, но сын, едва взглянув на экран, убежал на кухню, в поисках крышек от кастрюль. Клава попробовала отвлечь его игрушками – тоже без толку. Ей казалось, что Олежка все еще сердится на нее. В сосредоточенном взгляде темных глаз ей чудилось осуждение.

– Вихрастик мой, – ворковала Клава, – милый мой малыш, пойдем погуляем?

При слове “гулять” Олежка оживился, подбежал к входной двери и подергал за ручку. Клава облегченно выдохнула, значит, согласен.

Одеть Олежку не составляло труда. Приличного вида футболка и штанишки, и он уже выглядит как маленький модник. Клава скинула халатик, с собой приходилось труднее. Даже домашнее зеркало при неярком освещении не могло скрыть прелести ее все еще юного тела.

Реклама, которую часто крутили в Клушином детстве, и которую Клава запомнила на всю жизнь, была про девушку, которая любила свое стройное тело и ненавидела жир, который скрывал ее красоту. Клава полностью разделяла чувства той девушки. Глядя в зеркало, ей хотелось взять ножницы и отстричь свисающие за трусы бока и дряблый живот. Ноги казались ей колоннами, и грудь наоборот, выглядела слишком маленькой при массивном теле.

В выборе одежды Клава металась между цветными разлетайками и черными приталенными кофтами, которые, как она считала, должны идти всем, а значит, и ей тоже. Правда, в какой-то момент Клаве становилось все равно, как она выглядит, и тогда она не стеснялась надевать обтягивающие джинсы и футболки с веселыми детскими принтами. Какой бы взрослой она себя ни считала, ребенок внутри нее не умер. Он все еще прятался внутри, как ее идеальное тело пряталось под слоями жира.

Джинсы и черная футболка. Краситься и укладывать волосы не хотелось, так что Клава благополучно наплевала на "завершение образа", подхватила Олежку за руку и бодро отправилась на ежедневный моцион.

Обычная прогулка редко выходила за заданный маршрут мимо супермаркета, вдоль ровного ряда яблонь. Клава обожала гулять по ней весной, когда белые лепестки разлетались подхваченные порывом ветра. Заканчивалась прогулка на детской площадке. Утром на ней редко оказывались другие родители и их чада. Пара мамочек с колясками не в счет. Не хотелось знакомиться и обсуждать успехи чужих детей, стыдливо умалчивая о собственных проблемах.

Клава посмотрела на сына. Три года уже. Почему он не говорит? Виновата атмосфера в семье? Да ну, ерунда. И она, и Мария Васильевна на ребенка не надышатся. Ну, кроме вчерашнего. Надо просто больше уделять ему внимания, решила она.

Клава обняла сына. Олежка захихикал, когда она пощекотала его животик.

– Я правда, честное слово, постараюсь вести себя не так, как моя мать, – сказала ему Клава.

Если оставить все как есть, она не просто станет своей матерью, ее судьба может обернуться еще хуже. Ведь у матери хотя бы есть работа всей жизни, а у Клавы? Непонятные мечтания и неопределенные желания.

“Устроить Олежку в садик и найти работу”

Клава вздохнула.

Остановившись возле киоска, купить семечки, Клава обратила внимание на россыпь книжек в мягких обложках. Грошовые детективы, любовные романы, обложки некоторых уже выцвели от длительной ненужности. Клаву привлекла одна, с заголовком “Тайм-менеджмент” и нелепой картинкой под ним: обезьяна с часами. Руководство для тех, кто ничего не успевает. Старая, цена дешевая, давно лежит.

Поколебавшись немного, Клава ткнула в книжку, чувствуя себя неловко, как толстяк при покупке пособия в духе “Гарантированное похудение за тридцать дней”. Не то, чтобы Клава чего-то не успевала. Дни пробегали незаметно за социальными сетями, едой, телевизором. Лишь прогулки вносили разнообразие, но и они давно стали частью рутины. И все же, глядя на людей на улице, Клава понимала, что, хотя бы у некоторых из них интересная насыщенная жизнь. Не такая, полная драмы, страданий и внезапных чудес, какую

показывают по телевизору в бесконечных сериалах, а настоящая.

Клава покосилась на остальные книжки, наверное, все же стоило бы купить и “Гарантированное похудение за тридцать дней”. Но не все сразу.

Олежка потянул Клаву за руку, ему надоело ждать у киоска, хотелось идти дальше. Клава погладила сына по голове. Необходимо что-то менять, дело даже не в работе и в садике, но в чем, Клава даже себе ответить не могла.

Уже дома, разглядывая блеклую обложку, Клава хмурилась и недоверчиво хмыкала, как бы оправдываясь перед собой, что собирается читать такую галиматью. Книжки подобные этой “что мертвому припарка”, вспомнила она слова мамы. Деньги на ветер.

Первая глава была про целеполагание.

В шкафу, забитом Клавиным хламом, лежала небольшая коробка, которую Клава нежно любила. Коробка с канцтоварами. Недорогими блокнотами, удобными ручками несколькими в руке и тонкими чернилами, нераспечатанный из магазинного целлофана ежедневник за позапрошлый год. Книга для записи кулинарных рецептов. На дорогую канцелярию денег не хватало, зато на дешевую не жаль спустить мелочь.

Каждый блокнот обещал жизнь с чистого листа. Записать в них планы, наметить дела и пошло-поехало, все как-то само устроится.

Клава выбрала блокнот с котенком на обложке. Крепкая обложка, светлая линовка. Вырвала первые два исчерканных листочка и принялась писать все, что приходило в голову.

Найти работу, устроить ребенка в садик, убраться, научиться вязать, помириться с мамой, получить образование, заниматься музыкой каждый день, выучить японский, подтянуть английский, купить новый телефон, платье, серьги, туфли, игрушки Олежке, сковородку, найти хорошего мужа...

Закончив, Клава уставилась во внушительного вида список и долго его перечитывала. К замешательству прибавилось легкое облегчение, как будто все записанные дела уже начали сами собой совершаться и жить стало полегче. Клава посидела над списком, наслаждаясь этим чувством, потом перевернула страницу и написала аккуратным каллиграфическим почерком: "что мне сделать прямо сейчас".

Она заглянула в основной список.

Бесполезно. Ничего не приходит в голову. Она и так ходит по собеседованиям, но на работу не берут. Никому не нужна некрасивая дурында без образования и с маленьким ребенком на руках. Клава тупо посмотрела на список еще раз. Уроки японского скачены еще полтора года назад, да так ни разу и не открыты. На сайте по изучению английского языка

она тоже зарегистрирована, а толку? И зачем ей сейчас английский? Чтобы был? Дорогу иностранцам объяснять?

Что сейчас самое главное? Найти работу, мужика, садик. А что она может сделать прямо сейчас? Ничего. Разве что составить список и подумать над ним когда-нибудь потом.

Взгляд Клавы скользил по аккуратно выведенным буквам. Что она может сделать прямо сейчас? Сделает – и сразу станет лучше.

Клава встала и прошла по комнате. Синие занавески на окнах давно посерели от пыли. Клаве они не нравились, но других не было. И пока она не начнет работать – не появятся. На старом письменном столе круглые пятна от кружек, трещины и царапины. Да и сам стол завален не пойми чем. Сборище бесплатных газет, рекламных буклетов, Олежкина желто-красная юла. Клава некоторое время смотрела на свой стол. Дурацкий стол молодости ее мамы, если не бабушки. Рухлядь, а не антиквариат.

Клава принесла мусорный пакет и принялась выкидывать блокноты, даже совсем не исписанные, даже с милыми котятками. Ручки, колпачки, винтики и мелкие детали неизвестно от чего полетели в пакет вместе с блокнотиками. Клава взяла на кухне кружку с отколовшейся ручкой и положила в пакет ее тоже, чувствуя себя преступницей. Но вдруг мама не заметит. И с каждой выброшенной вещью Клава чувствовала, что ей становится лучше.

Но и хуже одновременно.

Какая-то ее часть кричала и вопила. Требовала достать обратно хотя бы блокнотики. Они же еще хорошие, пригодятся для всяких списков, кулинарных рецептов. Рука Клавы дрогнула. Она глубоко вздохнула и, выудив Олежкину юлу, сгрэбла со стола все остальное и спихнула в пакет. Потом тут же, не переодеваясь и не накинув хотя бы мастерку, прямо в домашних тапочках, спустилась из квартиры с пакетом и метнула его в мусорный бак.

Домой Клава возвращалась медленно, хотелось подышать свежим воздухом, прогуляться. Но не в домашних же тапочках, да и ребенка надолго не оставить.

Стоило вернуться, как желание гулять пропало. Клуша села на диван, включила телевизор и стала обычной собой, удалившись в напряженный сериальный мир.

И все-таки на обочине сознания билась мысль, что надо что-то менять, причем даже не что-то, а все. Хотя бы то, что можно изменить, а не предаваться мыслям, что вот, мол, найду работу, сниму комнату. Пока это произойдет, жизнь Клавы превратится в такое дно, из которого она не вылезет, а заляжет на самом дне, да еще в обнимку с бутылкой. Клава едва досмотрела серию до конца. Встала и принялась мыть посуду. Она ненавидела возиться с раковиной с раннего детства. Мама всегда ругала ее за тарелки, если хоть малюсенькое пятнышко окажется на краешке. На этот раз Клава решила просто помыть посуду. Хорошо или плохо – ее надо вымыть. Клава достала новую губку, остатки моющего сред-

ства в бутылке. Выгрузила дурно пахнущие тарелки и сковородки из раковины, и принялась драить одну за другой. Жир отходил легко, Клава складывала посуду рядом с раковиной, чтоб потом протереть насухо. Часть тарелок с отколотыми краями, у кружки отвалилась ручка. А ведь был красивый чешский сервиз, им все еще пользовались в память о былых временах. Мама не разрешала его выбрасывать.

Пока Клава возилась с раковиной, прибежал Олежка, схватил крышку от кастрюли и принялся самозабвенно играть ею. Клава хотела было отобрать, как всегда это делала ее мама, но вдруг остановилась. Ее-то шум не раздражает, а если дитя хочет играть крышками, кастрюлями, да хоть чем – пусть, только больше причин держать их чистыми.

Закончив с посудой, пришлось мыть залитые водой поверхности, прочищать раковину. Клава даже оттерла кран старой зубной щеткой. Пол тоже оказался мокрым и в пене, пришлось помыть и его. К концу всех манипуляций, Клава так устала, что даже спина разболелась. Но на кухне стало заметно чище. Клава сняла занавески, плед с дивана и загрузила в стиральную машинку. Пусть уродливые, но хотя бы чистые, решила она.

Ах, как же удивится мама, когда придет с работы и увидит, как дочь постаралась, пока ее не было. А то сплошной негатив в семье.

После уборки пришлось снова выбрасывать мусор – пустая бутылка из-под чистящего средства, губки, остатки еды.

Клава, поколебавшись, засунула в мусорный пакет и порванные босоножки. Все равно никогда ей не нравились. Вместе с босоножками в пакет полетели старые губки для обуви, одинокий пыльный носок завалившийся под обувной полкой. Пришлось шлепать до мусорного бака еще раз.

Вернувшись, Клава почувствовала, что неплохо бы вымыться и самой, а также обдумать дальнейшие действия. Если вначале она не знала, что делать, то теперь ей хотелось сделать все и сразу.

– Все-таки полезно составлять списки, да, Олежка?
Сынишка ловко крутанул металлическую крышку.

– Выучить английский язык. – произнесла Клава вслух. Все равно, кроме Олежки ее никто не слышал, так что можно болтать с собой сколько хочешь. Клава достала уцелевший блокнот с выведенными: что мне делать прямо сейчас.

Вымыться, побрить ноги, постричь ноги, откорректировать брови. Посмотреть в интернете объявления о найме. Скачать приложение для изучения английского языка и познакомиться пол часика. Приготовить ужин, вкусный и полезный. Почитать Олежке сказку на ночь.

Клава просмотрела список и улыбнулась. Вроде бы ничего невыполнимого. Насвистывая, она взяла полотенце, свежее белье, и скрылась в ванной комнате. Новая жизнь началась

прямо сейчас, думала она, прямо в эту минуту.

В ванной настроение у Клавы немного упало. Стоило посмотреть на складки на животе, как энтузиазм и желание заниматься собой пропало, но раз решила, так решила. Клава даже зубы почистила и хотела намазать лицо кремом, когда вдруг обратила внимание на закончившийся срок годности.

– Да уж, – пробормотала она, разглядывая до трети использованную баночку. Срок годности закончился еще два месяца назад, а в руки она эту баночку не брала с полгода. Клава глубоко вздохнула, вытерлась насухо, накинула халат и поплелась к мусорному ведру.

– Закончится это или нет? – ворчала она, выкидывая крем для лица, бальзам для волос, и гель, который уже вонял чем-то стухшим. Надо бы купить новые, подумала она. А потом ее взгляд упал на полки, загроможденные косметикой.

– Что это вообще? – сказала она. – Наверное, мамино. Моего тут совсем нет.

Бутылочки, скляночки. И почему мама так старо выглядит, когда у нее столько косметики? После уборки и мытья, Клава чувствовала себя совсем обессиленной.

Едва зашумел ноутбук, Олежка тут же бросил крышку и прибежал, ожидая, когда ему включат мультики.

– Не в этот раз, – сказала Клава.

Олежка уставился на монитор и захныкал. Клава глубоко вздохнула, стараясь успокоиться.

– Сейчас мама немного посидит в интернете и включит

тебе мультики, – сказала она елеиным голосом.

Олежка только продолжил хныкать.

“Компьютер или еще один ноутбук” – записала Клава в список целей и включила сыну мультики. В другой раз она бы проигнорировала хныканье сына, но чувство вины все еще довлело над ней.

– Милый мой ребенок, – сказала она Олежке. Что же, пусть старенький ноутбук, годный только для просмотра видео и сидения в социальных сетях, теперь недоступен, зато остался телефон.

Клава улеглась на диван, закинула ноги на спинку дивана и подключила Wi-fi.

– Надо бы удалить пару приложений, а то памяти совсем не осталось, – сказала она Олежке, который зачаровано смотрел на зеленую гусеницу, ползущую куда-то под музыку.

Клава погрузилась в разглядывание приложений и через несколько минут сама не поняла как, уже читала новостную ленту в социальной сети.

– О, надо же, сообщение, – сказала Клава в пустоту квартиры.

Бывшая одноклассница предлагала встретиться. Клава зашла на ее страницу. Так и есть – сплошная реклама и перепосты розыгрышей.

– Зачем? – написала она вместо “привет”.

Ответ пришел мгновенно.

“Есть дело”

– Косметику продаешь?

“Нет. Не волнуйся”

– Я и не волнуюсь, – пробормотала Клава. Привычка разговаривать с электронными сообщениями вслух появилась у нее вместе с телефоном. Когда матери не было дома, Клава и с телевизором могла разговаривать. Тишина действовала на нее угнетающе. Что-нибудь непременно должно бормотать или петь на заднем фоне.

Встретиться с бывшей одноклассницей одновременно ужасно хотелось и не хотелось. С одной стороны, Клава не стремилась к общению с людьми. Не то, чтобы не любила общество, просто не ждала от него ничего хорошего. С другой – хорошо бы перекинуться парой слов с живым человеком, а не только с теликом или с мамой.

– Ок. Когда и где?

“Когда тебе удобно?” – Как из дома отпустят.

“У кого будешь отпрашиваться? Не у мамы же. У мужа? Ты замужем?”

– Обожаю, блин, вопросы, – пробормотала Клава раздраженно. Появилось секундное желание выключить телефон и забыть о разговоре.

– Нет, не замужем, – написала она. – В разводе.

“Напиши мне, когда у тебя будет свободное время”

– Заметано.

Алина, насколько Клава ее помнила, всегда была яркой девочкой. Носила короткие юбки, целовалась с мальчиками,

ни одна школьная дискотека без нее не обходилась. Неплохо училась. В сущности, проучившись с ней в одном классе одиннадцать лет, Клава мало что о ней знала. Их миры находились слишком далеко друг от друга.

– Интересно, интересно, – Клава листала фотографии Алины в соцсети.

Со школьных времен девушка изменилась. Вот у нее светлые волосы, темные к корням, и розовая помада на губах. Вот она фотографирует себя в зеркало со сложенными уточкой губками. А вот обнимает памятник воинам-красноармейцам, павшим в войне против империалистов. Вот Алина уже брюнетка, дует губки ради очередного селфи на фоне, Клава присмотрелась, лыжной базы? На фотографии только снег и горы, а Алина в лыжном костюме. И все-таки, самое главное от Клавы не ускользнуло – на всех фотографиях Алина была одна.

Смуглый красавец не обнимал ее за талию в Арабских Эмиратах. Рядом с фотографией ее ног не красовались вытянутые ноги побольше в дырявых носках. И фотографий детей тоже не было. Клава незаметно для себя улыбнулась. Что же, теперь она будет куда меньше бояться предстоящей встречи.

Напоследок Клава все-таки вспомнила, зачем брала телефон в руки, и скачала первое попавшееся приложение для изучения английского языка. Бегло просмотрев меню, она тут же закрыла его и отправилась на кухню, в поисках, чем

бы перекусить.

Мария Васильевна всегда была женщиной дородной, так что Клава не сомневалась, что годам к сорока будет выглядеть как мать. От того становилось еще горше. А чем горше, тем аппетит лучше.

Кстати... Клава встрепенулась и посмотрела на часы. Без пятнадцати пять. Через пятнадцать минут мама уже будет дома. Клава заметалась по кухне. За это время только яичницу можно пожарить. И опять выслушивать нотации, что она даже готовить не умеет, только яичницу и жарит, а яйца, между прочим, дорогие. Клава все же по-быстрому разбила шесть яиц, добавила немного молока, муки, щепотку соли. Пока грелась сковорода. Клава яростно смешивала все это в одну пышную однородную массу. В конце добавила немного мелко нарубленных помидорчиков. А в самом конце, когда уже вылила массу на сковороду, закинула сверху зеленый лук и накрыла омлет крышкой.

Мать всегда возвращалась точно по расписанию. Учительница математики в школе, она любила точность и ценила пунктуальность. А в школе ценили ее. "Всю себя детям", "Как же Клаве повезло с матерью". Всякий раз, когда Клава слышала подобные разговоры, только пожимала плечами. "Да уж, повезло"

– Опять яичница? – спросила Мария Васильевна, едва переступив порог.

– А мне нравится, – заявила Клава. Мама не ответила. Скинула бежевый, который носила уже пятнадцать лет, плащ, бросила на коридорный стул тяжелую сумку, прошла на кухню.

По взгляду матери Клава поняла, что мама заметила пустую раковину и чуть смягчилась.

– А где Олежка? Почему не встречает бабушку? – заворковала Мария Васильевна.

– Мультки смотрит.

– Мультки? А это что? – Мария Васильевна подняла с пола крышку от кастрюли. – Ты опять дала ему крышку? Я же просила тебя этого не делать. Клавдия, сколько можно говорить, что эти крышки потом не отмоешь, что они по краям уже отбиты все. Соседи от грохота, наверное, уснуть не могут, – когда у Марии Васильевны включался режим учительницы, ее было не остановить.

– Они днем не спят, – попыталась защититься Клава, но ее маму, похоже, жалкие оправдания дочери только раздражили.

– А ты спросила, спят они ли не спят?! – взвизгнула она так, что Клава попяtilась. – Дура! Только себе и думаешь. Сама жуй свою яичницу!

Клава замерла, не понимая, что происходит. Только гулко забилося сердце.

– Еще и ребенка принесла на мою голову. Чтобы я на старости лет еще одного воспитывала.

– Но ты же и не...

– Развратница! – припечатала Мария Васильевна.

– В школе проблемы? – рискнула предположить Клава.

Все-таки истерика на ровном месте выглядела странно.

– Не твое дело, – процедила Мария Васильевна и, хлопнув дверью, скрылась в своей комнате. Клава тихонько вошла на кухню, положила себе омлет в отдельную тарелку и так же тихо скользнула в детскую.

В детстве приступы ярости у матери проходили куда хуже. Клава не могла не признать, с возрастом характер смягчился. Но когда Мария Васильевна начинала кричать, самое лучшее – не лезть под руку. Исчезнуть. Раствориться. Пусть выместит злость на ком-нибудь другом. Вот только кроме Клавы, у Марии Васильевны никого другого не осталось.

– Пойдем-ка, Олежка, воздухом подышим, – сказала Клава, едва дожевала последний кусочек еды.

Олежка гулять не хотел, он хотел мультики. Но Клава постаралась одеть его как можно быстрее. Так же быстро натянула джинсы и кроссовки и выскользнула на улицу вместе с сыном.

Сидя на лавочке у подъезда, легко жалеть себя. Все ста-

рания пошли насмарку. Все, что Клава сделала за день – напрасно. Мама даже слова не сказала про чистоту на кухне, про постиранные занавески и плед. Все зазря. Ужасно захотелось пойти купить себе чего-нибудь, безделушку, мороженого. Или игрушку Олежке. За игрушку мама ругать не станет. Клава пошарила по карманам. Несколько мелких монет, хватит только на булочку для голубей.

– Может, – сказала Клава Олежке, – на курсы какие-нибудь записаться? Маникюр там, педикюр, или в повара пойти.

– Охаё! Бока греешь?

Клава подняла взгляд на Димку Выкова, сына директора обувного магазина. Парнишке осенью стукнуло четырнадцать лет, и он демонстрировал все прелести переходного возраста. На лице цвели прыщи, давно не стриженные темные волосы можно уже стягивать в малюсенький хвостик на затылке. Носил исключительно армейские штаны и безразмерные футболки с персонажами аниме. Если его помыть, вылечить прыщи, причесать и одеть в нормальную одежду – вышел бы приятный парень. Правда, еще пришлось бы заставить его говорить по-человечески и перестать грызть ногти, но это дело третье.

Вот и в этот раз, кожа у Димки блестела жирным блеском, как и волосы, зато на черной футболке красовался нарисованный мальчик или девочка, с яблоком в руке. За спиной мальчика таилось чудо в перьях. "Тетрадь смерти" поясняла

надпись на английском.

Димка ни с кем во дворе не дружил, и вообще, после развода родителей, жил не здесь. Изредка приезжал повидать отца, а с Клавой перекидывался парой слов при случайной встрече. Иногда рекомендовал посмотреть какой-нибудь новый аниме-сериальчик, но Клава все отнекивалась недостатком времени.

Долгое время мать вообще запрещала Димке видеться с отцом, при этом внушала, что отец его не любит. О соседской драме знал весь двор, и даже Мария Васильевна любила обсудить семейную драму с подругами и коллегами.

На Димке вся история сказала не лучшим образом. Клаве оставалось только гадать, что за жизнь он вел со своей матерью, которая снова вышла замуж.

– Просто сижу, – сказала Клава.

– Есть сотка?

– Нет, – сказала она с чистым сердцем. Да даже если бы и была, еще не хватало помогать деньгами сыну директора магазина.

– Жаль. А чо нет?

– Я же не работаю, откуда у меня деньги?

– А чо не устроишься?

– Такой умный, череп не жмет? Думаешь, работа на дороге валяется?

– Бате вон рабы в магазин нужны, – сказал Димка, обкусывая ноготь на большом пальце.

– Спасибо, что сказал, – произнесла Клава. – Как дела в школе? – спросила она неожиданно для себя. Дима ходил в ту же школу, где преподавала Мария Васильевна. Чуть далековато от дома, зато хорошая.

Димка замер от удивления.

– Нормально, – ответил он. – А что?

– Да мать моя не в себе сегодня. Я думала, может, что-нибудь в школе случилось? Скандал там или еще что.

– Да вроде... как обычно все. Ты же знаешь, она с учителькой физики не ладит. Та ей чет вякнула, ну, твоя мама на нее и наехала. Наверное, домой пришла, не остыла еще.

– А что она такого вякнула, что моя мама с полуоборота завелась?

Димка быстро посмотрел в сторону.

– Да фиг знает, – сказал он.

– Что-то про меня?

– Не знаю, не слышал.

– Ладно, ладно, извини. Слушай, Димка, а твоему отцу правда в магазин работницы нужны?

– Ну да. Сходи, вдруг возьмут. Ты “Темного дворецкого” смотрела?

– Неет, – протянула Клава, ожидая, когда на нее свалится новая порция совершенно ненужной и непонятной информации об японских рисованных героях.

– Ну ты что? Это же уже классика! Там про демона, который и дворецкий и демон и он живет с маленьким мальчи-

КОМ....

Дальше Клава уже не слушала, просто смотрела как шевелятся Димкины губы и горят глаза. Здорово, наверное, иметь увлечение, которое поглощает и придает столько страсти. Вот ему-то жизнь точно не кажется пустой. Хотя, Клава припомнила себя в переходном возрасте, и у него жизнь может быть не гладкая.

– Я обязательно посмотрю, – сказала она, заметив, что Димка замолчал.

– Угу, – сказал он. – Ну так увидимся.

– Увидимся, – сказала Клава.

Немолодой мужчина, уже начавший не только седеть, но и лысеть, наблюдал за их разговором издали. На работу он ходил в одном и том же сине-сером костюме, стильном, но потершимся на локтях. Лакированные туфли посерели от пыли и уже не сочетались с барсеткой, которую Леонид Васильевич для надежности зажал под мышкой.

Пока следил за сыном, чувствовал он себя при этом неловко, но до чего приятно смотреть, что сын хоть с кем-то находит общий язык. Пусть даже с некрасивой соседкой, позором ее матери. Леонид Васильевич Выков возвращался с работы пешком, погода располагала.

Леонид Васильевич считал увлечения сына глупыми и

детскими, самого его – разгильдяем, а бывшую жену – дрянью. Он пытался сблизиться с Димой, взять с собой на рыбалку, и даже приобщить к семейному, как он считал, бизнесу. Но Димке цифры и управление оказались неинтересны. Он с гордостью мог козырнуть, что его отец – директор магазина, но при этом больше походил на сына какого-нибудь недотепы из его сотрудинок.

Собственную молодость, когда увлекался Битлами и отрачивал бакенбарды, Леонид Васильевич благополучно забыл.

И все-таки он радовался, когда видел, что у сына есть друзья, и что он запросто болтает и смеется с соседкой, а не только сидит, уткнувшись в компьютерные игры или, того не легче, мультики.

Поэтому к подъезду Леонид Васильевич подошел в добром расположении духа.

– Здравствуйте! – вежливо сказала Клава.

– Клавдия Перова. Не ошибаюсь?

– Нет. Здравствуйте, Леонид Васильевич.

– Здравствуй, здравствуй! Что сидишь, бока греешь?

– С мамой поругалась. То есть, она со мной.

– Важное замечание.

– Леонид Васильевич, скажите, Дима мне тут сказал, вам работники требуются...

– Хочешь устроиться?

– Ну да.

– У тебя же маленький ребенок, верно? – сказал Лео-

нид Васильевич, будто не заметив снующего рядом с лавкой Олежку.

– Не такой уж маленький. Проблем не будет, правда. С бабушкой посидит, если что.

– Если что, – Леонид Васильевич закусил губу. Он принципиально не брал на работу молодых матерей, и старался после декрета под каким-нибудь предлогом быстренько уволить или вынудить уйти, что предпочтительнее. Но эта молодая женщина – приятельница его сына, вдруг она поможет наладить с ним взаимопонимание? Идея так себе, но попробовать все же хотелось.

– Когда сможете выйти на работу? – спросил он.

– Хоть когда, – сказала Клава, чувствуя, что дело вот-вот выгорит.

– Хорошо, хорошо, – Леонид Васильевич силился вспомнить содержание вопросника для соискателей, что лежал у него в кабинете.

– Почему вы хотите работать в нашей компании? – вспомнил он наконец.

Клава помедлила секунду.

– Чтоб с голоду не сдохнуть, – сказала она в порыве честности.

Леонид Васильевич вытаращил на нее глаза.

– Ну хорошо, – сказал он. – Позвоните, там скажут, когда можете выходить и какие документы взять с собой.

– Я принята? – воскликнула Клава, едва не подпрыгнув

на лавке одновременно в восторге и ужасе.

– Приняты.

– Спасибо! – произнесла она с таким чувством, что Леонид Васильевич поморщился. Но все же искренняя благодарность его тронула.

– Мам, маам! – Клава сияла, она едва ли не бегом взобралась на четвертый этаж с Олешкой на руках. – Мааам!

– Что? – высунулась Мария Васильевна из спальни.

– Я на работу устроилась! – выпалила Клава.

– Что? – искренне изумилась мать. – Куда это? Опять в Орифлейм какой-нибудь?

– Нет, продавщицей обуви.

– И сколько платить будут?

Улыбка Клавы увяла.

– Не знаю, не спросила.

– И что за фирма?

– Леонида Васильевича.

Мария Васильевна задумалась.

– Это тот представительный мужчина, от которого жена ушла? – уточнила она.

– Ну да, он. У него еще сын Димка.

– Что же, поздравляю. Все-таки будешь при деле. Может, поработаешь и поймешь, как хлеб с маслом достаются. Когда

выходишь?

– Надо завтра позвонить и уточнить.

– Я тебя рано подниму.

– Да ничего, я встану.

– Так, а ребенка с кем?

– С тобой, – сказала Клава как само собой разумеющееся.

Мария Васильевна закатила глаза.

– Ладно, ладно, горе мое. Я найду, с кем оставить, на пару уроков с собой возьму. Ходила же с тобой на работу. Олежка тихий, не помешает.

Мария Васильевна помялась и спросила тихим, несвойственным ей голосом.

– Я могу тебе на работу заходить?

– Я не знаю, наверное, – сказала Клава.

– Ну, я супчик сварила. Иди кушай. Я Олежку сама покормлю.

– Спасибо, ма.

Обида на мать не улетучилась окончательно, но Клава обрадовалась супчику и внезапной мягкости родительницы. Все не так уж плохо, совсем не плохо. Клава отправилась на кухню, праздновать устройство на работу наваристым куриным супчиком.

Мария Васильевна усадила Олежку за детский стульчик и принялась кормить его кашей. Она то и дело задумывалась и замирала с ложкой в руках, так что Олежке приходилось самому тянуться за едой. Когда-то давно, Леонид Василье-

вич учился с ней в одной школе, только классом старше. А теперь вот директор магазина. Кто бы мог предвидеть, как судьба сложится.

Глава 3

Произвести первое впечатление важно, но все же не настолько важно, как не испортить его впоследствии. Радость от получения работы сменилась страхом. Клава слишком долго нигде не работала. Да что там, она даже с людьми нормально не общалась, пока сидела дома с сыном. И вот – первый рабочий день.

По телефону ей велели выходить практически сразу же, наутро, и без опозданий. Клава подготовилась как могла. Во-первых, не выспалась, во-вторых, не успела позавтракать, в-третьих – едва не забыла дома кошелек и мобильник, и, в довершение, долго искала блестящие босоножки, пока не вспомнила, что сама же их выбросила накануне.

Все же смешанное чувство боязни и радости от осознания того, что она идет на работу, не оставляло ее на протяжении всего пути. Клава почти не заметила ни переполненной маршрутки, ни ворчливых пассажиров. Зато обратила внимание на недавно высаженные цветочки в клумбах, как поднимают жалюзи в кафешке, где Клава ни разу не была, но хотелось. Бородатый дворник подметал дорожку рядом с магазином и отодвинул метлу, чтобы Клава могла пройти не

запачкавшись.

– А вот и Клавдия! – Леонид Васильевич уже добрался на работу раньше нее и лично открывал двери магазина.

– Здравствуйте! – пробормотала Клава.

– Что-что?

– Здравствуйте! – повторила она чуть погромче.

– Вот так с посетителями и здоровайтесь, – сказал Леонид Васильевич назидательно.

Он наконец справился с тяжелой железной дверью, потом долго возился со следующей, ковыряя ее большим, похожим на гаражный, ключом.

– Значит так, Клавдия, для начала – без опозданий.

Клава энергично кивнула.

– Потом у нас есть определенный... э-э, дресс-код для сотрудников – черный низ и серая футболка. Штаны купишь сама, футболку выдаем.

Клава кивнула еще раз.

Леонид Васильевич наконец открыл и вторую дверь, за ней оказался темный вестибюль. Леонид Васильевич открыл едва заметную дверцу в стене и щелкнул выключателями. В торговом зале стало светло, лампочки осветили небольшое помещение со стеклянными полками и выставленной на них обувью, детской и взрослой. В уголке сиротливо толпились зимние сапоги и ботинки с мехом наружу. Почти у самого выхода стояла на возвышении стойка с кассой так, так что с места кассира можно увидеть весь зал. Небрежно брошенная

чья-то небесно-голубая кофта свисала со стойки рукавом до самого пола.

– Сюда, – Леонид Васильевич указал на дверцу с надписью “для персонала”. Клава послушно пошла вслед за ним. Склад оказался одновременно и большим, и тесным. Всюду громоздились коробки с обувью. Буквально везде. И среди многочисленных коробок красовался пошарпанный стол со стареньким компьютером. Леонид Васильевич снял пиджак, повесил на спинку стула, обычного, не на колесиках, и устроился за зашумевший агрегат. В рабочей обстановке он, вопреки ожиданиям, стал как будто меньше и спокойней, совсем не похожим на большого босса.

– Кадровика у нас пока нет, – сказал Леонид Васильевич, – так что ты подожди, я распечатаю тебе договор. Прочитаешь и подпишешь. Трудовая с собой?

Клава достала из сумочки новенькую, девственно чистую трудовую книжку. Леонид Васильевич небрежно бросил ее поверх бумаг на столе.

– Отлично, отлично...

Во входную дверь громко и настойчиво постучали.

– О, Ирина Николаевна пришла, – встрепенулся Леонид Васильевич. – Иди, открой. Она введет тебя в курс дела лучше, чем я.

Ирина Николаевна носила очки и поджимала ярко накрашенные губы. Клаву невольно аж передернуло, когда она поняла, что придется работать под началом женщины, ужасно

смахивающей на ее мать. Даже захотелось сбежать.

– Здравсьте, – процедила Ирина Николаевна. – Новенькая?

– Да, только сегодня пришла. Здравствуйте! Я – Клава Перова.

– А, протезе начальства.

– Ну, эмм, – растерялась Клава, но Ирина Николаевна ее уже не слушала. Она по-хозяйски скинула с плеч плащ и двинулась на склад. Клава поплелась за ней.

– А ты стой здесь, – обратилась к ней Ирина Николаевна, – будешь открывать двери. Ты на снисхождение особо не рассчитывай. Леня человек добрый, но чуть что – у меня мигом вылетишь.

– Как скажете, – сказала Клава и осталась в роли швейцара, пока Ирина Николаевна ушла поговорить с начальством об ужасном отношении к выбору кадров.

Оказалось, что работает в магазине всего пять человек, включая Ирину Николаевну. Вика, щупленькая девушка с короткими каштановыми волосами. Юлия Белова – она важно сообщила Клаве имя и фамилию, как баллотирующийся депутат. Юля оказалась широкоплечей девушкой, с мощной челюстью и полноватой, толще Клавы. Людочка Клаву явно не одобрила с первого же взгляда, рыжая, маленькая, с курносым носом, на вид еще и двадцати нет, явно высокого о себе мнения. Оксана – единственная, кто хотя бы постарался изобразить на лице приветливость. Издерганная и усталая с самого утра, она, тем не менее, нашла в себе сил сказать:

– Привет! Надеюсь, мы сработаемся. Оксана, – и протянула руку.

– Клава, – сказала Клава и пожала прохладную ладонь.

– Оксана, сегодня опоздание на десять минут, что такое? – Ирина Николаевна выглянула из склада, поправляя очки.

– Пробки, Ирина Николаевна! – крикнула Оксана, улыбнулась Клаве и тоже направилась на склад. – Пойдем. Я последняя, больше ждать некого.

– А, ну хорошо, – сказала Клава и пошла за всеми.

Первый рабочий день пролетел, будто не было. Ирина Николаевна зорко следила за новенькой, но к обеду ей надоело, и она скрылась в складской комнате. Леонид Васильевич вскоре уехал решать какие-то важные дела.

Оксана шепнула, что он еще вернется – поехал платить алименты бывшей жене. После он, как правило, покупает бутылочку, выпивает ее в одиночестве и спит на диванчике в подсобке. За время супружеской жизни привык прятаться там от жены.

– Ужас какой, – сказала Клава. – А с виду он непьющий.

– Это он только в день алиментов такой. Видимо, мучает его необходимость платить алименты. Новый муж его бывшей, говорят, чуть ли не миллионер.

– Но он же помогает сыну, – заметила Клава.

– Пфф, сын и так у него все что надо просит. Все время здесь ошивается, бездарь мелкий.

– Нормальный мальчик, ну неухоженный чуток, но ему же всего четырнадцать, – вступилась Клава за Димку.

– Ага, зато гонору как на двадцать четыре, – фыркнула Оксана.

Клава не нашлась что ответить. Мало ли с какой стороны девчонки знали сына Леонида Васильевича. Это для нее он мальчишка со двора, а здесь – хозяйский сынок.

Работать с клиентами ей особенно не пришлось, разве что ходила за Оксаной на склад, смотреть, где что лежит. Мешанина коробок внезапно оказалась стройной системой, в которой можно найти все, что угодно, главное – сразу же возвращать отвергнутую клиентами обувь на место.

– Не забывай здороваться, – говорила Вика. Она работала на кассе и всегда здоровалась и прощалась с каждым клиентом, будто он ей лучший друг. Какие рожи она корчила им в спину, клиентам лучше было не знать.

– Предлагай помощь, – поучала Юля.

– Но она же им не нужна, – возразила Клава.

– Все равно предлагай. Начальство требует, – пожала плечами Юля.

– Помощь не нужна? – спросила она слегка нетрезвого мужчину, который мучил явно малой ему ботинок.

– Пошла... – начал он и натолкнулся на хмурый взгляд сильной девушки. Габаритами Юля мужичонке точно не

уступала. – Нет, спасибо.

Потом несостоявшийся клиент поставил ботинок обратно на стеллаж и быстро ретировался.

– Приходите к нам еще! – крикнула вдогонку Вика и ухмыльнулась.

Между собой девушки практически не разговаривали, так что Клава пока не понимала, подруги ли они или просто терпят друг друга.

После рабочего дня Клава вернулась домой усталая и с пакетом, в котором лежали серая футболка с фирменным логотипом и свежкупленные черные штаны.

– Что так поздно? – высунулась из спальни мама. Она уже накрутила бигуди и смотрела любимый криминальный сериал.

– Форму пришлось покупать, – сказала Клава, скидывая кроссовки.

– А что, там не выдают? – мама сурово нахмурилась.

– Нет. Только футболку.

– Поговорила бы с Леонидом Васильевичем, он бы сделал исключение.

– Ну что я буду с ним говорить? Он на работу-то взял меня случайно. Буду еще навязываться, требовать особые условия.

Мама выразительно вздохнула.

– А где Олежка?

– Опомнилась, – фыркнула мама. – Спит уже.

Едва раздевшись, Клава скользнула в детскую. Олежка сладко спал, положив под голову маленькую ручку. Он посапывал во сне, и Клава не могла наглядеться на беленькое личико. Олежка во сне собрал все одеяло вверх, так что ножки в носочках торчали совсем голенькие и беззащитные. Клава поправила одеяло, поцеловала сына и пошла на кухню – ужинать.

– Вас там кормили? – по телевизору началась реклама, и Мария Васильевна ненадолго покинула свое обиталище.

– Нет, но на обед дают сорок минут, можно поесть в кафе или взять еду с собой.

– Сколько платить будут, не сказали?

Клава смутилась.

– Нормально вроде выйдет.

– Будем надеяться.

– Но ты же рада, что я работаю? – просительно спросила Клава.

– Конечно рада. Денег и так ни на что нет, еще тянуть тебя с ребенком. Ладно, кушай, я потом что-нибудь вкусенькое тебе на завтра приготовлю. Ты бы видела, в каких коробках школьники еду носят. Модно так, что ли. Бутерброды трехслойные, гамбургеры, соки в пакетиках. Будто их в школе не кормят.

Мария Васильевна еще бы пораспространялась про замечательные обеды школьников, но реклама как раз закончи-

лась, и она поспешила к телевизору.

Клава налила себе чай.

Чтобы скоротать время, она раскрыла все ту же книжку про то, как все успевать и не свихнуться.

– И почему в школах не учат полезным вещам про время? – произнесла Клава, не замечая, что разговаривает вслух, и углубилась в чтение. В конце концов, по прочтении, ее ожидала совсем другая жизнь, простая и понятная. Ведь книги не могут врать.

Закончила она в полтретьего ночи, допивая седьмую чашку чая. Протирая слипающиеся глаза, Клава зашла в детскую и рухнула на диван, даже не раздеваясь.

– Только небо, только ветер, только радость впереди, – пробормотала она себе под нос. – Надейся и жди.

И уснула крепким сном полуночника.

Какая бы работа ни была, легкая, сложная, нелюбовь к ней появляется очень скоро. Если не в первое, то во второе утро, когда под глазами синеют круги после вчерашних впечатлений. Приходится вставать, чистить зубы, пить мерзкий растворимый кофе и просить у матери денег на проезд. Потому что вчера все потратила на одежду. А с каждым следующим днем кризис только усиливается, чувство новизны проходит и остается то, что остается – желание дожить до выходных.

И все-таки Клава решила не сдаваться.

Нехитрые советы коллег научили ее: во-первых, все время нужно улыбаться. Во-вторых, проявлять интерес к каждому покупателю. В-третьих, оставить все проблемы за дверями торгового зала. Последнее оказалось самым трудным. Стоило замереть у входа на склад, напротив Вики на кассе, как лицо само по себе принимало угрюмое выражение. Самым же удивительным, что почувствовала Клава, едва вышла на работу – тоску по ребенку.

Пока она сидела с дитем, ей казалось счастьем пробыть пару часов вне его внимания, теперь же этого внимания ей остро не хватало. Очень хотелось позвонить и узнать, как он там, но “все проблемы – вне работы”, и контакты с близкими людьми тоже. Хотя Клава видела, как к Юле приходит ее высокий и нескладный жених, сует конфетки и быстро чмокает в губы, пока из начальства никто не видит. И чего она такая желчная, если у нее такой милый парень, думала Клава, невольюно завидуя.

В перерыв ей выпало обедать с Людочкой, и в плане налаживания дружеских отношений обед обернулся полным провалом. Мария Васильевна приготовила Клаве еду с собой. Сделала домашний гамбургер с настоящей, а не картонной котлетой и зеленью, так, что от одного взгляда можно слюной захлебнуться. Нарезала банан и выложила с листьями салата помидорки черри. Людочка бросила взгляд на еду Клавы, как на тараканов.

Сама Людочка принесла в банке картофельное пюре, сосиски и здоровый, просто огромный пирожок с мясом. Вспомнив свои студенческие годы, Клава подумала, что тогда много чего отдала бы за такой обед. И кулинарное искусство мамы показалось ей скучным и невзрачным. Разве можно наесться помидорками? А гамбургер – это же просто перекус, а не настоящая еда.

Людочка молча разогревала пюре прямо в банке, пока Клава примеривалась, как лучше откусить от гамбургера.

– Учишься? – внезапно спросила Людочка.

Вопрос прозвучал столь неожиданно, что Клава едва не поперхнулась.

– В смысле? – спросила она. В голове пронеслось: “Учусь ли я торговать, учусь ли я в вузе? Что она имеет в виду?”

Но Людочка не стала пояснять, а просто взялась за еду, не устаивая больше Клаву вниманием. Через пару минут к ним присоединилась Ирина Николаевна и тут же сделала замечание о вредности Клавиного обеда.

– Фастфуд, – осуждающе сказала она, – плохо сказывается на фигуре, милочка.

Клава не стала говорить, что “фастфуд” ей вообще-то приготовила мама, и он куда полезнее макарон с сыром, которые Ирина Николаевна уплетала за обе щеки. Ей вообще не хотелось связываться с этой дамой.

Сорок минут незаметно сократились до двадцати, потому что стоило Клаве сделать последний укус, как Ирина Нико-

лаевна тут же заявила:

– Поела? Бегом в зал.

Сама она осталась на складе вместе с Людочкой, которая вышла работать еще добрые полчаса спустя.

Пока не было покупателей, Оксана становилась неподалеку и тихонько, будто под нос щебетала с Клавой о том о сем. Прикрывая рот тоненькой ладошкой, она зевала и то и дело терла глаза.

– Не выспалась? – спросила Клава сочувственно.

– Выспишься, как же, – сказала Оксана и явно хотела еще что-то добавить, но выглянувшая в зал Ирина Николаевна строго цыкнула.

– Не устраивайте собраний, девочки.

Девочки отодвинулись друг от друга.

– Вчера новую область зачистила, так что даже не заметила, как время пролетело, – сказала Оксана, едва Ирина Николаевна исчезла. – Лут норм выпал, но не для моего класса.

– А, – сказал Клава и замолчала. Она-то наивно думала, что у Оксаны маленький ребенок, потому и не высыпается.

– А ты во что-нибудь играешь? – спросила Оксана, едва выпала новая возможность поболтать.

– Эм, нет, – сказала Клава. – Разве что в “Принцессу в доспехах” в свое время.

– Что?

– Вроде “Героев”, только красочней, – сказала Клава.

– А, – сказала Оксана, – значит, тебе нравятся стратегии?

– Наверное. Я давно ни во что не играю.

Оксана наморщила лобик и пожала плечами.

– А чем тогда занимаешься в свободное время?

– У меня ребенок, так что свободного времени-то нет, – сказала Клава, не желая признаваться, что просто смотрит смешные картинки и видео в интернете.

Оксана чуть не отшатнулась от нее.

– Ребенок?!

– Ну... да.

– Пф.

И больше Оксана рядом с Клавой не вставала. Единственный хорошо отнесшийся к Клаве человек отдалился так быстро и резко, что Клава даже не успела ничего понять. Остаток дня она пыталась сообразить, чем же так насолила Оксане, пока Юля не разрешила ее вопросы.

– Оксана думает о себе слишком много, – сказала она. – Модная.

– Что? – не поняла Клава. – Одевается хорошо?

– Не, с этим у нее как раз проблемы. Модная. Вегетарианка, геймер, чайлдфри.

– Свободный ребенок?

– Чего? Нет, свободная от детей. Недолюбливает... как она их называет? Овуляшек.

Глаза Клавы округлились. Не то, чтобы она совсем не слышала об этом движении, но не ожидала встретить хоть одного их представителя, коме кошатницы тети Любы – одинокой

и сумасшедшей старухи. Клава свято верила, что подобные люди обитают только на просторах интернета, а никак не в реальной жизни.

Вика, которая должна была обучить Клаву работать на кассе, немедленно вывалила на нее всю драму собственной личной жизни. Инструкции как работать с кассой, какой стороной засовывать в специальный прибор карточку клиента и тому подобное, перемежались историями про гражданского мужа, с которым Вика жила уже полгода, и который все полгода всячески унижал ее. Вопрос “почему ты его не бросишь” так и остался невысказанным, потому что логики в их отношениях Клава не могла уловить никакой. Как и желание вывалить все это на совершенно незнакомого человека. Судя по лицам остальных девушек, все уже давно были в курсе ее личной жизни и всем это порядком надоело.

Первое время Клава надеялась, что отношения с коллегами наладятся. Но даже руководство, похоже, стремилось внести разлад в коллектив. Ирина Николаевна одним своим присутствием умудрялась делать сносную атмосферу в магазине невыносимой. Она требовала, чтобы девушки постоянно потакали клиентам. И если в этом Клава еще могла ее понять, то причин, по которым их заставляли проводить еще по часу за уборкой после закрытия магазина – уже нет. За дополнительную работу, как поняла Клава, не платили, и потому девушки изо всех сил стремились спихнуть ее на друга друга.

Поскольку Клава была новенькой, ей доставалось больше всех. Таская ведро с водой с собой по залу, она размышляла о том, что устроиться уборщицей ей и так ничего не мешало. Работала бы меньше, а платили столько же.

Кроме мытья полов надо было еще привести в порядок обувь на полках, сами полки, зеркала, и в конце, как все будет готово – поставить дверь на сигнализацию.

– А теперь, – сказала Клава сама себе, запирая наконец дверь, – можешь отправляться на бал, Золушка.

На улице уже зажглись фонари. Клава сунула руки в карманы ветровки. Она всегда носила ее с собой на случай непогоды. Домой хотелось прогуляться пешком. Завтра выходной, особых дел нет, зато можно будет ничего не делать с чувством удовлетворения, а не вины, как обычно.

– Эй, Клуша!

Клава даже вздрогнула, настолько ее резануло старое прозвище. Она невольно оглянулась.

– Оболдуев! – сказала она с досадой.

– Ты откуда это? – это и в самом деле был Борька. На этот раз он оказался одет по-деловому – черные штаны, рубашка, сдвинутый на бок галстук.

– С работы, – сказала Клава. – Ты, я вижу, тоже. Нарядный какой, при костюме. В банк ходил?

– Вроде того. Тебе куда?

– Домой.

– Подвезти?

– А тебе по пути вообще? – Клава подозрительно прищурилась. – Или ты меня заманиваешь в машину, чтобы потом увезти в лес и съесть?

– Почему съесть? – не понял Борька.

– А что же еще со мной можно сделать? – удивилась Клава.

Борька покраснел и рассмеялся.

– Нет, – сказала он, – нет, я людей не ем. Честно.

– Какое облегчение. Ой, извини, мне звонят.

Борька терпеливо ждал, пока Клава выудит из сумочки свой надрывающийся телефон, оглашавший улицу древним хитом Сердючки.

– Да? – сказала Клава.

– Привет! Что делаешь? – женский голос в трубке показался совершенно незнакомым.

– Домой с работы иду, – сказала Клава. – Привет.

– Ты не узнала меня? Я Алина.

Клава выдохнула с облегчением.

– Привет, Алина. Да, я помню, мы договаривались, но я в выходные работаю, а завтра как раз нет. Может, если хочешь встретиться, то завтра?

– Как скажешь, – сказала Алина. – Как вообще дела?

– Нормально.

– Пока не родила? – судя по голосу, Алина улыбалась.

– Да вот три года как, – рассмеялась Клава.

В трубке поперхнулись.

– Да, сынишке три года уже. – радостно сообщила Клава,

раздумывая, не нарвалась ли на еще одну чайлдфри. – А у тебя как?

– Да никак пока. Завтра в три. Только где?

– Давай в кофейне. Вот знаешь, на улице Ленина, прямо напротив Сбербанка. Всегда хотела там побывать, но пока не пришлось.

– Я знаю, где это. Хорошо. Завтра увидимся.

Клава нажала отбой с чувством легкого раздражения.

– Извини, – сказала она Боре. – Алина звонила. Ты помнишь ее? Наша одноклассница. Ну, высокая такая, еще ко-са была как мой кулак. Училась на отлично и вообще, умница красавица, не то что я, – она хихикнула, стараясь скрыть смущение.

– Помню, – сказал Борька.

– А, точно, вы же встречались, – улыбнулась Клава. – Была какая-то история. Ты отбил ее у парня, потом вы встречались, он даже угрожал тебе. А потом вы вдруг расстались ни с того ни с сего, почти перед самым выпускным. Чего только не рассказывали тогда про вас. Будто она изменила тебе с Максом, и что ты ревновал ее жутко. Я мало что знаю, поскольку не люблю лезть в такие дела. Но, ох, про ваш роман можно было книжку написать. Сколько лет-то прошло, да? Не верится.

– Ну да.

– Мы завтра с ней встречаемся, – сказала Клава. – Сказать, что я тебя видела? Передать привет?

– Эм, у тебя есть ребенок? – внезапно спросил Борис.

– Да, а что такого? – удивилась Клава. – Многие в моем возрасте уже имеют детей.

– Ты замужем?

– ... Нет.

Борька задумчиво потер переносицу. Клава выжидательно смотрела на него.

– Так я передам Алине привет? – спросила она.

– Ага, – сказал Борька.

– Пока, – сказала Клава, поскольку разговор явно расклеился.

– Пока.

Клава развернулась и пошла своей дорогой. Ее так и подмывало оглянуться, все казалось, что Борис Вологдуев так и стоит там, погруженный в свои мысли.

Клава смотрела на светящиеся вывески магазинов. Представляла, как с первой зарплаты купит себе новую сумочку, звуковую азбуку Олежке и что-нибудь для мамы. А завтра ее законный выходной и даже кофейня с подругой. Все как у нормальных людей.

Впервые за несколько недель Клаве почудилось, что ее жизнь налаживается.

Едва Клава пришла домой, она потискала маленького

Олежку. Ну ужин ждал подогретый суп. Клава терпеть не могла материнские подогретые супы, ей казалось, что они становятся совсем пресными, безвкусными, но ничего другого не было.

– Пришла, работница? – Мария Васильевна вплыла в кухню и взяла кружку – налить чай. – Как прошел день?

– Отлично. Одна из коллег оказалась чайлдфри – это которые детей не выносят.

– Порой я их понимаю.

– Мама, как можно Олежку ненавидеть, ты что?

– А Олежка тут при чем? – искренне удивилась Мария Васильевна, и Клава поняла, что мама говорит об учениках.

– Еще сегодня Борьку Вологдуева встретила.

– Кто это?

– Одноклассник.

– А в школе ты ни с кем не дружила. Вот если бы нашла себе подругу и замуж было бы проще выйти. Не сидела бы сиднем дома, ходили бы куда-нибудь, развлекались.

– Как раз сегодня позвонила одноклассница Алина. Мы завтра с ней собрались встретиться в кофейне.

– Сходить в кафе с одноклассницей? А тебе что, зарплату дали? – реакция Марии Васильевны застала Клаву врасплох.

– Нет, ну рублей сто же всего надо. По кофе выпьем и все.

– И все, – передразнила Мария Николаевна. – А за ребенком кто приглядывать будет? Я тебе не нянька, и так на моей шее сидите.

Клава молчала. Она знала, что спорить и доказывать себе дороже.

– Хорошо, – сказала она наконец, – я позвоню Алине и отменю встречу.

– Не звони так поздно, – назидательно сказала мама. – Утром позвонишь.

– Хорошо. Только потом не жалуйся, что я ни с кем не общаюсь и у меня совсем нет друзей.

Мама вышла из детской. Олежка сидел на стуле перед выключенным компьютером и ждал, когда ему включат мультики. Клава нажала кнопку, и Олежка возбужденно замахал ручками перед собой.

– Когда же ты уже заговоришь, а? – устало сказала Клава. Она пару раз робко пыталась посоветоваться с матерью на счет того, что стоит показать Олежку... кому-нибудь. Мама отмахивалась и всякий раз отвечала, что куча детей начинают говорить и в четыре, и в пять лет, стоит только подождать, “потом не остановишь”. Что ж, ей виднее.

Ноги после рабочего дня у Клавы прям отстегивались. Что ж, раз завтра не надо никуда идти, ей же лучше. А то весь шкаф забит непонятно чем, а надеть нечего. Все либо старое, либо Клава в это уже не влезает, либо не наденет даже под дулом ружья.

“Завтра займусь разбором гардероба”, – решила Клава. Для пущей убедительности она включила интернет на телефоне, нашла видео о правилах составления гардероба и усну-

ла под экспрессивное бормотание блогерши, восхищающейся собственными покупками от Прада.

Глава 4

Пятьсот рублей как молчаливое разрешение и извинение лежали на письменном столе под блокнотом с котенком на обложке.

Клава взглянула в зеркало и потеряла мешки под глазами. Придется все-таки привести себя в порядок ради встречи с бывшей одноклассницей, блистательной красавицей, несравненной отличницей, неподражаемой Алиной. На самом деле, Алина вовсе не была самой-самой лучшей, но и в конце не плелась. Значит себе цену, умела за себя постоять и росла в полной семье с обеспеченными родителями.

Олежка скакал рядом, Клава попробовала занять его книжкой, но Олежка убедился, что книжка с толстыми картонными страницами плохо крутится, и потерял к ней интерес.

– На лабутенах и в восхитительных штанах, – напевала Клава, открывая двери шкафа с одеждой. Только благодаря тому, что теперь она работала в обувном магазине, Клава знала, что такое лабутены.

Порывшись, Клава вынула из шкафа гору одежды. Почти все ее наряды оказались либо мятыми, либо уродливыми, либо все вместе, еще маленькими вдобавок. Клава приня-

лась искать хоть что-нибудь приличное, во что она еще могла втиснуться.

– Что ты тут устроила? – Клава так увлеклась перебиранием тряпок, что вздрогнула от голоса Марии Васильевны.

– Не знаю, что надеть, – честно сказала Клава.

– Иди в рабочем, – посоветовала мама. Она с кружкой чая стояла в дверях комнаты. На волосах бигуди, Олежка цепляется за подол байкового халата. То ли сказала больная, то ли уроков сегодня нет, Клава не стала уточнять. Мама права, черные штаны, серая футболка и, к тому же, все новое. Ради такого дела Клава даже решила накраситься. Голубые тени, морковного цвета помада, послунявив карандаш, подвела глаза.

– Если будет косметику предлагать, – сказала Мария Васильевна, прихлебывая чай, – не бери. У нас на работе женщина косметикой торгует, могу каталог принести.

– Разве только посмотреть, – ответила Клава.

– Денег в долг не давай.

– Мне бы кто занял.

– Много не пей.

– Кофе?!

– Вредно для сердца, – отмахнулась мама. – В злачные места не ходи.

– Где я и где злачные места? – Клава закатила глаза.

Мама вздохнула.

– Будто на свидание собираешься, – заметила она. – Точно

с Алиной идешь встречаться? Еще одного карапуза домой не принесешь?

– С Алиной не получится, – сказала Клава. – Алина была самая красивая девчонка в классе. Да и сейчас, наверное, выглядит сногшибательно. Могу же я хоть постараться не ударить в грязь лицом.

– Тогда еще мою сумочку возьми, – сказала Мария Васильевна, – и духами побрызгайся.

– "Вечерней Москвой"? – ухмыльнулась Клава.

– Мне ученики, между прочим, модный парфюм подарили, – сказала Мария Васильевна самодовольно.

– Богатые нынче ученики.

– Богаче нас с тобой.

– Ну как? – Клава остановилась в дверях, демонстрируя себя маме.

– Красавица, – сказала Мария Васильевна и чмокнула дочь в лоб.

Клава улыбнулась. Она про себя так не считала. Беспорядочные кудряшки так и торчали во все стороны, зауженные брюки только подчеркивали мощный верх, и Клаве казалось, что она похожа на черно-серую морковку.

Но морковка или нет, сегодня ее выходной и она идет в кафе с подругой. Ноги побаливали после вчерашнего трудового дня, но Клава вышла пораньше, так что отправилась на встречу пешком и очень медленно.

Школьные дни оставили после себя мало приятных вос-

поминаний. Клаву дразнили из-за веса, роста, медлительности, даже из-за того, что ее мама – учительница. Друзья с младших классов к старшим уже порастерялись, переехали, перевелись, либо дружба распалась сама собой, а новые подруги так и не появились. Клава надеялась, что в вузе все будет по-другому, но не сложилось.

Приближаясь к кофейне, Клава замедлила шаг. Странно, давно она так не волновалась, даже когда ходила на свидания. Или волновалась так же? Она уже не помнила.

Клава остановилась. Что делать? Можно сбежать и потом извиниться перед Алиной, мол, дела не позволили. Да и не позволят. Наконец, чего это мисс класса вдруг начала домогаться встречи? Ничего хорошего не выйдет. Им даже вспомнить нечего, никаких общих воспоминаний. Только лишнее унижение, будто их в жизни Клавы и так не хватало.

– Привет! Ух, а я думала, что уже опаздываю.

– Привет! – сказала Клава с вымученной улыбкой поворачиваясь к Алине. – Надо же, какая встреча.

Алина стояла перед ней в белой мини-юбке, красной кофточке, небрежно расстегнутой на груди. Свои чудные светлые волосы она подстригла до плеч и теперь они свободно лежали в милом творческом беспорядке. Розовые ногти, высокие каблуки, маленькая белая сумочка. Темные очки сдвинуты на макушку. Алина словно блистала.

Клава разом увидела все, особенно собственную невзрачность.

– Ну, пойдём, – Алина ловко подхватила Клаву под руку. Отступать некуда.

– Пойдём, – сказала Клава.

Кофейня оказалось милой и уютной, как Клава и предполагала. В коричнево-бежевых тонах, с ароматом кофе в зале, с разноцветными пирожными в витрине, со столиками, цветом напоминавшими пастилу.

Они устроились у окна, официант в белом переднике тут же принес меню. Алина едва глянула и тут же обратилась к молодому человеку.

– Двойная порция эспрессо, пожалуйста.

Официант профессионально кивнул, ни один мускул не дрогнул на его лице.

– А вам? – спросил он Клаву.

– Латте, – сказала Клава, внимательно изучая меню. Как раз хватит на одну чашку и обратный проезд. Все пучком.

– Ну, рассказывай, – Алина уставилась на Клаву горящими глазами. – Ты так похорошела! Как у тебя дела?

– Да нормально все, – сказала Клава, не представляя, что можно рассказать этой незнакомой девушке напротив.

– А у меня все плохо, – вздохнула Алина. Клава прищурилась. Похоже, мама права, и в самом деле у нее будут просить в долг.

– Замуж так и не вышла. А у тебя с мужиками как? Ты же замужем была, да? – спросила Алина с непонятым беспокойством.

– Нет, – сказала Клава.

– Но ребенок же?

– С отцом ребенка ничего, кроме ребенка не получилось, – сказала Клава. На лице Алины проступило трудно сдерживаемое облегчение. Клава нахмурилась.

– Ты не думай, что я радуюсь, – тут же заверила Алина. – Что-то кофе долго несут... Давай поболтаем пока, мы же давно не виделись. Ты после школы чем занималась? Я на биолога пошла, представляешь? Лучше бы на менеджера выучилась, или на юридический. Училась так себе, но учеба же это не главное, главное же диплом, да? Мы с Танькой вместе поступили. Помнишь Таньку? Она с нами училась же...

Клава смотрела на аккуратный маникюр на Алиных ногтях. Приятный цвет лака, глубокий оттенок, интересно, сколько такой стоит. И форма ногтей красивая.

– ... Полгода искала работу. Пока училась – никаких проблем, а после получения диплома – засада. Но я же дипломированный специалист, естественно мне нужна работа лучше...

А на скатертях в кофейне экономят. Матерьяльчик дешевый, клеенчатый, но, может, их выбрасывают едва испортятся. Были бы тканевые – стирали бы. Тканевые скатерти лучше выглядят, и заведение казалось бы дороже.

– ... а он сказал, что нужно простить, ведь Бог так велел. Я спросила, что значит простить? Я и не злюсь, так что прощать? Что взрослый человек полюбил другую женщину?..

“Кофе и в самом деле долго несут...”

Клава перевела взгляд с незамысловатого узора на клеенчатой скатерти в окно и представила себя туристкой. Пейзаж маленького европейского городка, если не знать, где находишься. Даже фонарный столб выглядит изящно.

– ... так себе. Пишет типа – передавай приказы вовремя, день в день. Отвечаю, что буду передавать их тогда, когда появляюсь в кабинете. Наличие приказа на бумаге не влияет на работу ее участка. Хочет инфу – пусть открывает программу и смотрит ее там...

“Я больше не выдержу”, – подумала Клава, откидываясь на спинку стула.

– Ваш кофе, – официант поставил перед девушками белые чашки с блюдечками. У Клавы пенкой на кофе бариста нарисовал котенка.

– Спасибо, – сказала Клава.

– Надо же, горячий. Так, о чем я... – Алина смущенно потрогала воротничок кофточки и замолчала.

“Вот мы и подошли к самом интересному”, – подумала Клава и опять напряглась, готовая отказать в любой странной просьбе.

– Как на счет того, чтобы кадрить мужиков вместе? – спросила Алина, улыбаясь так, будто хотела здесь и сейчас закадрить Клаву.

Она хихикнула, глядя на изменившееся Клавино лицо.

– Прости, что? – спросила Клава, думая, что ослышалась.

– Ходить вместе, развлекаться. Знакомиться.

– Зачем? – спросила Клава. И теперь забавное выражение лица было у Алины.

– То есть как? Тебе одиночество не надоело?

– Есть такое. Но тебе-то это зачем? Ты же красивая, обеспеченная, веселая.

– И что, по-твоему мне мужик не нужен? – повысила голос Алина и тут же смущенно оглянулась, не услышал ли кто.

– То есть, я хотела по-другому спросить. Зачем тебе я? Сама не справишься? – сказала Клава.

Алина снова потеревала воротник кофточки.

– Я одна не могу, а все мои подруги уже замужем, – призналась Алина, и лицо ее приобрело цвет кофточки.

– А сайты знакомств ты не пробовала? – спросила Клава. – У тебя что, интернета нет?

– Пробовала, – ответила Алина с достоинством. – И даже знакомилась, но, во-первых, – начала она загибать пальчики, – часто попадаются неадекваты. Запросто могут принять за проститутку и звать домой только потому, что оплатили ужин. Либо ведут себя странно, пишут херню, могут послать матом, а про разницу между живыми людьми и их фото десятилетней, в лучшем случае, давности. Я вообще молчу. Однажды мне попался действительно опасный тип, – Алина помолчала. – Может быть, я таких привлекаю. Во-вторых, на те же сайты знакомств могут заглянуть знакомые, еще хуже – коллеги, которые потом задают бестактные вопросы, сме-

ются за спиной, – Алина поморщилась. – В-третьих, я считаю, что интересных мужчин надо искать как работу в безденежье – всеми способами. И дать возможность интересному мужчине найти меня, разумеется.

– Ну, я не знаю. У меня и времени-то мало. Я же работаю, – сказала Клава.

– Так и я тоже.

– И у меня ребенок.

– Не беда, будем гулять вместе.

– Вместе с ребенком?

– А что такого?

Клава все еще колебалась, глядя в подведенные Алинины глаза. Ясно же, что Алина собиралась ее как-то использовать, но как? Что ей от ее компании? И в то же время, хотела же найти мужика, больше общаться с людьми, и вот – получи и распишись. Помощница и единомышленница сидит прямо напротив.

– Ну, хорошо, – сказала Клава

Алина просияла.

– Честно говоря, я думала, ты меня позвала, чтобы косметику продать, – призналась Клава.

Алина склонила голову набок.

– Ради такого случая, – сказала она, – я отдам тебе кое-что из своего бесплатно. Тебе пригодится.

– Как все прошло? – спросила Мария Васильевна, едва Клава переступила порог дома.

– Неплохо, – сказала Клава. – В следующие выходные идем гулять в парк.

– Не скучно было?

– Как сказать, – Клава села на стульчик возле двери и принялась стягивать кроссовки. – Нет, не скучно, но и не особо весело.

– Если она тебе не нравится, не дружи с ней, – мама сложила руки на груди.

– Да, я всегда так и делала, – сказала Клава. – Вот и осталась одна, совсем без друзей. Мне кажется, надо дать ей шанс. Ну и себе, наверное, тоже.

– Если сердце не лежит, то и не ляжет.

– Мы сейчас отношения с подругой обсуждаем, – сказал Клава, усмехнувшись, – а не с парнем. Представляю, что было бы, появись у меня кто-нибудь.

– Хоть бы, хоть бы, – сказала Мария Васильевна со вздохом. – Да только где сейчас хорошего парня найдешь.

На всякий случай Клава не стала принимать близко к сердцу предложение Алины. Кадрить вместе мужиков, пф, ну да, девочки же даже в туалет ходят компанией. К тому же,

Клава не сомневалась, что красавице Алине, а она со времен школы не только не подурнела, но стала еще красивее, богаче и удивительно хорошо одевалась, Клава нужна только для того, чтобы оттенять вот это все, всю красоту.

И все же, собираясь утром на работу, Клава не могла не приподнять кудряшки и не представить себя с прической повыше. Или, может быть, подстричься? Совсем короткие кудряшки сделали бы ее чуть выше и чуть моложе, хотя бы на свой возраст. И пресс подкачать не мешало бы. Клава достала любимую оранжевую помаду и аккуратно подкрасила губы – меняться так меняться!

И как всегда, захотелось стать красивой, элегантной и независимой прямо сейчас, сию минуту, безо всяких усилий и ожидания. Клава фыркнула своему отражению.

В этот раз на работе Клава развлекалась тем, что разглядывала покупательниц, мысленно примеряя их наряды на себя. Жаль, что большинство нарядов, которые ей нравились, не сошлись бы на ее полной талии. Хорошо обладать фигурой манекена. Хотя и то не факт. Вика обладала подобным телосложением, но даже форменная одежда на ней висела. Юля выглядела как офицер в отставке. Покупатели мужского пола больше всех заглядывались на Людочку, самоуверенную егозу, но Клава подозревала, что дело вовсе не в одежде.

Оксана с Клавой здоровалась, но с разговорами не лезла. Все те же мешки под глазами и ни грамма косметики на лице. Клаве ужасно хотелось сказать Оксане, что она похожа на

многодетную мать, которой отпрыски мешают спать по ночам.

Люда и Юля попеременно гоняли Клаву на склад за обувью. Клава бегала, приносила и уносила обратно, поправляла ботинки и босоножки на стеклянных полках. Уже к середине дня ноги предательски побаливали, и Клава, когда на нее не смотрели, то и дело прислонялась к стене. Чтобы совсем не скиснуть, Клава в уме перечисляла все те сокровища, которые купит на первую зарплату. Теперь к сумочке и азбуке прибавился поход по магазинам с Алиной.

– Привет! Па у себя?

– Ты даже здесь умудряешься подкрадываться незаметно, – проворчала Клава Димке.

– Так я же супер-ниндзя! Па у себя?

– На складе. То есть у себя, да.

Клава посмотрела в осунувшееся лицо подростка. Наверняка, как и Оксана, играет в компьютерные игры ночами.

– Ты вообще, как? – спросила она.

Димка пожал плечами.

– Нормально. Лан, я к отцу пришел.

– Странный он, – сказала Юля, едва Димка скрылся за заветной дверью.

– В смысле? – Клава нахмурилась.

– Что за покемоны у него на толстовке?

– Не знаю, может быть и в самом деле покемоны. Он же

ребенок еще, аниме смотрит, корейскую музыку слушает.

– Все время здесь ошивается. Клянчит деньги у отца.

– Все дети так делают.

– Нуу, не знаю, – протянула Юля.

– Он вам грубит, что ли? – спросила Клава. Она не могла себе представить Димку хамящего Людочке или даже Вике.

– Нет, но все равно странный, – сказала Юля.

– Как знаешь, – буркнула Клава. Она не понимала, с чего вообще должна защищать директорского сынка, но все равно за Димку стало немного обидно.

– Клав? Сбегай на склад, – Люда с другого конца зала помахала Клаве ботинком.

– Бегу, – откликнулась Клава. Хорошие ботинки, уже третий раз за день спрашивают. Только не берет никто.

– Уходишь уже? – спросила Клава, столкнувшись в дверях с Димкой.

Подросток, насупившись, посмотрел на нее. Ясно, требование денег у отца успехом не увенчалось.

– Чего в толстовке ходишь? – спросила Клава. – Жарко же.

Димка отчего-то смутился и открыл было рот, чтобы ответить...

– Клава, ты там уснула что ли? – раздался недовольный окрик Людочки, и Клава скользнула за дверь, так с Димкой нормально не поговорив.

Леонид Васильевич, сторбившись, сидел за столом и невидящим взглядом пялился в экран монитора. Клава тихонько

взяла коробку с ботинками и уже двинулась было обратно в зал, но тут директор востерпелся.

– Клавдия... – начал он, – Хотя нет, ничего.

Клава выскользнула из склада с ботинками в руках.

– За смертью посылать, – буркнула Людочка, и тут же мило обратилась к покупателю. – Простите, она у нас новенькая.

– Принеси еще такие, – Людочка показала Клаве другой ботинок. – Только живее.

– Конечно, – сказала Клава. Ей в самом деле не составляло труда бегать за обувью и мелкие наезды Людочки она пропускала мимо ушей. По сравнению с наездами мамы, это вообще ничто, но и вправду странное поведение Димы взволновало ее. Почему девчонки так к нему относятся, он же ничего им не сделал? Только потому что “директорский сынок”? И у Леонида Васильевича был такой потерянный вид...

Будто своих проблем мало, неожиданно разозлилась она на себя, но беспокоиться не перестала.

Чтобы не нервировать мать, Клава начала расхламление шкафа постепенно. Работы казалось непочатый край. В один из дней, пока мама была на работе, Клава выгребла все, что находилось на верхней полке гардероба – сваленные в ку-

чу платки, шапки, перчатки и варежки разной конфигурации. Для начала Клава отобрала все, что не имело пары, все одинарные варежки и перчатки полетели в пакет для мусора, все, что носилось – отложила в сторону.

Среди шапок и шарфов внезапно нашлось несколько непарных носков, воротник от давно сношенной куртки и даже трусики с растянутой резинкой – все полетело в мусорный пакет.

Полная энтузиазма, Клава разобрала белье. Хорошего оказалось катастрофически мало. Растянутые лифчики, с кружевами, которые топорщились из-под любой футболки, стринги, которые Клава вообще никогда не носила, но их у нее оказалось аж пять штук. Все в мусор. Выкидывать розовую нейлоновую ночную рубашку, отданную мамой по доброте душевной, было неприятно, мамин подарок, но надевать ее для сна Клава не хотела. Лучше уж в футболке спать.

Собственно из-за ночнушки Клава поспешила выкинуть мусор. А то мама непременно сунулась бы в пакет – посмотреть, что там, нельзя ли чего оставить, и разразился бы скандал.

Места в шкафу не прибавилось, носить по-прежнему было нечего, а у Клавы только начал формироваться первый список покупок, но все же она почувствовала себя лучше. На отдельном листочке, чтобы не забыть, она написала названия капсул одежды, которые ей нужны – для дома, работы, отдыха с Алиной и, Клава поколебалась немного, но все

же включила и этот пункт, свиданий.

Капсулы – вроде комплектов одежды предназначенной для определенного времяпрепровождения. Рабочая капсула – одежда для работы, всякие пиджаки и темные брюки, выходная капсула – джинсы и цветные футболки, и все в том же духе.

Теперь, передвигаясь по дому, Клава то и дело натыкалась взглядом на что-то, что можно выбросить. На старый помятый дуршлаг, но его без разрешения мамы – нельзя. Клава все равно закинула его на антресоль. Если мама не заметит, потом можно будет избавиться. По углам все еще находились неиспользованные или дописанные наполовину блокноты с котятками. Клава выбрасывала и их. Она покусилась даже на святое – Олежкины игрушки. Сломанные, изгрызенные, нелюбимые и просто из которых он вырос. Клава не посмела выбросить все это сразу же, вдруг Олежка про них вспомнит. Но и через пару дней Олежка не проявил признаков беспокойства поп оводу утраченного, так что вскоре дом покинули и старые игрушки.

Клаве оставалась только надеяться, что мама не начнет искать что-то из уже выкинутого, не спросит, как бы невзначай, а где розовая ночнушка с рюшами, или где та машинка, которую тетя прислала в позапрошлом году для Олеженьки. Олеженька уже открутил у машинки колесики и больше играл с ними, чем с самой машинкой. Клава выбросила и то, и другое. Она не сомневалась, что вскоре что-то из выкину-

того срочно ей понадобится, но в том и смысл, что выкидывать надо на грани – понадобится или нет – кто знает, но прямо сейчас вещь не в том доме, где должна быть.

Разбирать одежду оказалось самым трудным делом. Клава не знала, что выкидывать, а что оставлять, все же помощь кого-то типа Алины не помешала бы, но приглашать подругу домой Клава стеснялась. Она представила, как ухоженная, любящая порядок и организованность, Алина появится на пороге их холостяцкой квартиры. Нет, нет и нет, только не сейчас. И вообще никогда.

Наконец, Клава решила для начала избавиться от вещей, которые она точно, ни при каких обстоятельствах уже не наденет, потому что стыдно или потому что уже просто не похудеет настолько никогда.

Стиральная машинка работала до самого вечера. Клава таскала тазики и развешивала одежду, которую наделась все же когда-нибудь надеть. Футболок оказалось маловато. Клава не хотела больше показываться на улице в одежде со смешными надписями, зато брюки оказались еще ничего. Клава с удовлетворением отметила, что ее бедра остались почти такого же объема, как и до появления Олежки. Более того, еще одни брюки для работы можно было и не покупать. Клава со вздохом убрала в недра шкафа пять пар почти одинаковых черных брюк.

С носками беда. Клава немедленно внесла в список покупок носки. Те, что нашлись, либо непарные, либо драные,

либо с розовыми бабочками по краю. Выгляни такой носочек из-под края черных брюк – стыда не оберешься. Клава не представляла, как можно носить “детские” вещи в ее “взрослом” возрасте.

Клава вошла во вкус, и уже больше выбрасывала, чем оставляла, предвкушая предстоящий поход по магазинам. Радость омрачало лишь осознание, что большинство вещей были куплены ею. Вещи, которые она внезапно захотела или взятые по случаю, или потому что дешевые, или настроение такое было – покупательное. Клава представила, если бы ей вернули все эти деньги прямо сейчас, и у нее засосало под ложечкой.

– Ну, больше-то такого не повторится, – уговаривала она себя. – Семь раз подумаю, прежде чем купить.

Сложности появились лишь когда очередь дошла до рубашки, которую Клава носила еще в школе и очень любила. В дальнем углу нашлось даже короткое выпускное платье. Голубое, с воздушной накидкой из крепдешина. Клава тогда сделала себе красивую прическу у знакомого маминого парикмахера, надела белые лаковые лодочки и впервые почувствовала себя красивой. Ее одноклассник Борька пригласил ее на танец, и они неловко переминались с ноги на ногу, изображая медленное кружение. Клава долго смотрела на платье, разглаживала складки. Девочка, носившая его, была юной и полной надежд, что, когда она вырастет, у нее все будет хорошо. А то, что в школе – просто черновик жизни.

И вот оно будущее, а чувство, будто Клава пишет черновик, ее не покинуло. Одежда, которую Клава когда-нибудь наденет, книги, которые Клава когда-нибудь прочтет, жизнь, которую Клава когда-нибудь проживет. Клава смяла платье в руках. Хватит себя обманывать, ее жизнь уже случилась, и как из всего этого выбраться – Бог знает.

– Эй, – одернула себя Клава вслух, – нечего распускать нюни. Я проживу еще лет шестьдесят, а может и больше.

Она попыталась представить себе это светлое будущее, но в итоге сдалась и бережно положила платье в мусорный пакет. Потом подумала, и вынула обратно. Хорошую вещь можно попробовать продать.

После уборки у Клавы оказалась одна свободная полка. Клава смотрела на эту полку и не могла наглядеться. О прочих своих и чужих заботах она больше не думала.

Глава 5

На следующую прогулку с Алиной Клава надела черные джинсы и изумрудного цвета атласную блузку, найденную в недрах гардероба.

– Тебе не жарко? – озадаченно спросила Алина, увидев Клаву.

– Нет, – соврала Клава, не моргнув глазом. Алина надела короткое джинсовое платье, и Клава просто умерла бы или отстегнула и выбросила ноги, если бы ей пришлось ходить

по магазинам на Алининых каблуках.

Выбор одежды превратился в отдельное наказание. Клаве не хотелось ничего примерять. Она не понимала, что это за зеркальная магия такая, что заставляет ее и без того не маленький живот выпирать еще больше. Ни одно платье не смотрелось на ней как надо. Даже те, что казались беспрюг-рышным вариантом, не устраивали категорически. На Алине же, как назло, любая вещь выглядела как на модели.

– Значит так, – не выдержала Алина, – раз ты любишь все темное, давай возьмем темное, но хотя бы нормального фасона. Брюки расклешенные, футболки с V – вырезом, и вообще, давай хоть классическую рубашку тебе подберем. И хватит обращать внимание только на распродажи и акции!

– У меня нет столько денег, – терпеливо повторила Клава. Ей выдали аванс, но такой милипизерный, что он не стоил и Алининой юбки.

– Если хочешь поймать нормального мужика – придется потратиться.

– А если я не могу потратиться?

Алина вздохнула и прикрыла глаза рукой.

– Ну хорошо, – сказала она. – Тем лучше. Пойдем в дешевый магазин на распродажу, зайдем в секонд-хенд и перемерим все, вообще все. А потом ты ни в чем себе не откажешь.

– У меня аж голова закружилась от перспектив, – поворчала Клава.

И все же гулять по магазинам с Алиной оказалось весело.

Клава никогда особенно модой не интересовалась, исключая короткий студенческий период, но Алина являла собой фонтанчик информации о последних тенденциях. Тараторила без остановки. Видимо, тоже соскучилась по общению.

Алина притащила с собой пакетик с разными штучками, которые Клаве не терпелось разобрать. Коробочки, флакончики, тубики, баночки, россыпь пробников.

Она украдкой разглядывала Алину. Не такая уж красивая. Да, волосы хорошие и одевается со вкусом, и красится, но секрет больше в ухоженности, чем в обаянии или привальных чертах лица. Зубы с щербинками, а поставить скобы так и не решилась. Уши торчат, подбородок тяжеловат. А наоборот все вместе – красавица так, что даже продавщицы в магазинах провожали ее завистливыми взглядами. И при всем при том – мечтает выйти замуж, а не уже замужем. Странно.

– Ноги болят, – пожаловалась Клава, когда девушки присели отдохнуть в кафе. – А мне еще завтра работать целый день на ногах.

– Болят – не отвалятся, – сказала Алина.

Клава покосилась на Алинины каблуки. Чудо-женщина.

– Ты после родов насколько потолстела? – спросила Алина, помешивая сахар в чашечке.

– Ни на сколько. Я и так была полновата, так что быстро вернулась к своему обычному излишнему весу.

– Понятно, – сказала Алина. – А то я ужасно боюсь потерять фигуру.

– Ого, мужа нет, но уже думаешь о ребенке? Сначала надо отца найти, а потом уже бояться чего-то там потерять, – заметила Клава. – С чего начнем? Как ты и говорила, с прогулок в парке?

– Там обитают только пьяницы да молодые папаши. В зависимости от времени суток, – поморщилась Алина.

– А иногда это одни и те же люди, – усмехнулась Клава.

– Надеюсь, что только иногда.

– Кстати, о парнях. Помнишь Вологдуева?

– Кого?

– Ну парня твоего школьного.

Лицо Алины выразило сложную гамму чувств, в которой припоминание не доминировало.

– Нет, – сказала она, – не помню.

– Оболдуева не помнишь?! – поразились Клава. – Ну как же, он тебе даже стихи писал.

– А, этот.

– У вас же такая любовь была! Вы же всегда были вместе, еще до того, как начали встречаться.

– Мы были детьми, – сказала Алина, тихонько постукивая ложкой о край чашечки.

– А он тебя, может быть, все еще любит, – сказала Клава.

– И что с того? Мы выросли, изменились.

– Ну, ты-то только красивее стала, да и он тоже... такой же пухленький, – Клава усмехнулась. – Как медвежонок.

– Поэтическое сравнение. Ты в школе, вроде бы, тоже что-то там строчила? Поэтическое.

– Было дело, но кто в детстве не увлекается?

– И Вологдуев тебе нравился.

Клава закашлялась.

– С чего ты взяла? – спросила она наконец. Алина бросила на нее быстрый взгляд.

– Ты танцевала с ним на выпускном.

– И что? – Клава незаметно начала злиться. От безмятежного удовольствия после похода по магазинам не осталось и следа.

– Ты ведь знаешь, как тебя называли в школе? Клуша.

Клава кивнула. Глупо отрицать.

– Все называли, даже я и Борька. Только не обижайся, но ты и в самом деле походила на клушу. Толстенькая, одевалась стремно, можно принять за заучку, но...

– Но училась я тоже так себе, не в первых рядах. Успевала по некоторым предметам и только. Дальше.

– Но ты не обижаешься, да? Это же давно было. На тебя из парней никто тогда не смотрел, кроме как посмеяться.

Клава глядела в сторону, иначе от ее взгляда Алина могла б подавиться.

– Курочка всегда доставал тебя. Его самого доставали, вот он и нашел крайнюю, чтоб перетянуть внимание на тебя.

Клава помнила "Курочку". Прозвище ему дали за худые цыплячьи ножки. В седьмом классе он смешно бегал, под-

прыгивая, в ребячьих шортах. Физрук, человек уставший от жизни и недалекий, покрикивал на него: “Чо бежишь как курица? Руки к телу прижми, не размахивай”. К старшим классам внезапно вытянулся, отпустил волосы и ходил в грязных футболках. Курил за школой, как и все одноклассники, визгливо смеялся.

– Он безобидный был, но мерзкий, – Алина передернула плечами.

Безобидный, как же. Нет хуже изгоя, нашедшего кого-то, кого можно гнобить самому.

– Он за Борькой хвостом ходил, трепался всем, что лучшие кореша, – Алина не заметила, как перешла на язык средней школы. – Я говорила Борьке, что зря он с хмырем этим связался, но Борьке вообще было поровну. Он пацан добрый был, не знаю, как сейчас.

– Ничуть не изменился, – сказала Клава.

– Ага, а потом помнишь, как Борьку обвинили будто он деньги украл? Шум стоял на всю школу, родителей вызвали.

Клава потеряла переносицу. Меньше всего ей хотелось вспоминать те дни. Из сумочки классной руководительницы пропали деньги, собранные на ремонт класса. Сумма небольшая, сдать успели всего пара человек, но Алина верно помнит, шум поднялся на всю школу. В кабинете находился только их класс, никто больше не заходил, так что круг подозреваемых оказался очень узок, всего тридцать человек.

– Я с самого начала знала, что это Курочка! Он всегда на

крысу был похож, – Алина сделал большой глоток остывающего кофе. – Но он вывернулся так, что я даже не поняла, как так получилось, что все стрелки перевелись на Борьку! Помнишь, то ли у него деньги нашли, которые он на ремонт сдать не успел, то ли еще что-то было...

Было. Клава как наяву увидела красное, замершее лицо Вологдуева, когда классная выуживала из его рюкзака мятые купюры. Никого не волновало, что их не хватало, никто не хотел слушать сбивчивые объяснения подростка, очевидно же, что врет. Его поймали практически за руку.

– Было собрание, – сказала Клава.

– Да, еще какое, типа всем классом осуждаем и ай-яй-яй, – Алина фыркнула.

– Я все это помню, Алина, – Клава подняла на бывшую одноклассницу тяжелый взгляд, – Мы же вместе учились, я тоже там была. К чему этот разговор?

– Курочка потом сказал, что Борька не брал денег, и что деньги ему подбросили. Очень благородно с его стороны, – Алина снова фыркнула. Сильно же ее раздражал Курочка, что она бесится даже годы спустя. – И я, прости меня пожалуйста, в какой-то момент подумала, что он прав и что это на самом деле ты.

– Потому что никто не стал меня защищать, – сказала Клава.

Она помнила щемящее чувство бессилия, когда весь класс ополчился против нее. Ровно до того момента, когда

оказалось, что Клава единственная, кто отсутствовал в классе в ту перемену. Она ушла вместе с классной руководительницей и все время была с ней, помогала отнести тетради в учительскую, а потом задержалась с ней и с мамой выпить чаю. Порой не так плохо, когда мама работает учителем.

– Но ты даже ничего не стала отрицать.

– Я стала, – Клава впервые улыбнулась. – Я врезала Курочке, и сказала, что знаю, что деньги взял он и...

– И сказала, что хрен он, а не Борькин друг и все поняли, что вор на самом деле Курочка и подставил лучшего друга, а потом испугался и попытался обвинить тебя. Борька расчувствовался, честно, – у Алины заблестели глаза от воспоминаний.

– Мы были очень глупыми детьми, – мрачно сказала Клава.

– Ты знаешь, Курочке ты потом даже нравилась, – Алину было не остановить. – Только он выразить не умел и перед друзьями стыдился. Ходил и за косички тебя дергал, дурак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.